

НАЗАД ДОРОГИ НЕТ

ЧАСТЬ 2

выбор сделан

АЛАН БРАНТ

RED. Современная литература

Алан Брант

Назад дороги нет. Часть 2

«ЭКСМО»

2022

Брант А.

Назад дороги нет. Часть 2 / А. Брант — «Эксмо», 2022 — (RED. Современная литература)

ISBN 978-5-04-168761-8

Повзрослевшие Тео и Габби теперь смотрят на мир совсем другими глазами: пережитые травмы сделали их сильнее, однако судьба продолжает подкидывать брату и сестре все новые и новые испытания. Ричард больше не безропотный мальчишка, а возмужалый герой и смелый юноша, готовый на великий подвиг ради своей любви. Не сведет ли его с ума столь сильное чувство? Ведь последствия такого душевного урагана могут оказаться фатальными... Сможет ли Ричард взять за них ответственность в полной мере? И чем обернутся для молодых людей эти революционные — во всех смыслах — этапы взросления? Комментарий Редакции: Первоклассное сочетание взрывного сюжета, легкого повествования и погружающих в сюжет декораций. В героев сложно не врать!

ISBN 978-5-04-168761-8

© Брант А., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	29
Глава 4	41
Глава 5	49
Глава 6	60
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Алан Брант

Назад дороги нет

Часть 2

Глава 1

Зима 1960

Спустя месяц друзья дочитали «Капитанов песка». Из этой книги Тео вынес то, что мужеложство – это ужасный грех и недостойное мужчины занятие. Сцены, где упоминались гомосексуальные отношения между мальчиками, он стремился перелистнуть и вовсе не читать, отчего Оливер хмурился, а Ник краснел за них обоих. Сначала друзья не хотели делиться с девочками этой книгой, они посчитали, что для них это слишком, а Нэнси, как сказал Тео, вообще ещё маленькая и не должна такое читать. Но Габби с Джейн взбунтовались, и мальчишкам ничего не оставалось, как рассказать им уже прочитанное и дальше читать вместе. Ник очень переживал за Профессора, и когда тот выбросил визитную карточку мужчины, который разглядел в нём дар художника, и заявил, что, если бы ему выпал такой шанс – он бы его не упустил. Мальчик просто воссиял, когда Профессор стал известным художником. Ник хотел того же и принялся рисовать ещё упорнее. Он сказал, что когда вырастит, нарисует сцены из приюта, изобразит их жизнь во всех красках, и тем самым прославит обездоленных детей, которых продавали в рабство и о которых никто не знал, кроме тех, кто занимался этим бизнесом. Так у Ника появилась цель – это был зов сердца, и он принял решение в будущем в своих картинах обличить эти преступления. Оливер же чувствовал неправильность того, что в пакгаузе запретили мужеложство, но мыслей своих не высказывал и молча сочувствовал Алмиру и Барандану. А прочитав отрывок, в котором описывалось, как солдаты издеваются над Безногим, он до того перенервничал, что у него начался приступ астмы. Он помнил, как те парни лупили его за то, что он обслуживал мужчин, да и просто забавы ради. Ненависть с новой силой наполнила его сердце. Мальчик также, как и капитаны ненавидел богатых, и вот по этому поводу он смело высказывал свои мысли, и они были совсем неутешительные. Он говорил, что богатые угнетают бедных, взять хотя бы мистера Киллигана и того, кто за ним стоит. Богатые лишают их рабочих мест, как поступили с его отцом, после чего тот спился и был зарезан в пьяной драке. Мать тоже запила, и у неё появился дружок, который часто поколачивал Оливера. Мальчик решил на побег. Сбежав из дома, сначала он просил милостыню на улице, потом решил стать смелее и стучаться в богатые дома. Он, как сейчас, помнил, что как когда-то стоял вечером возле облюбованного им дома, из окон лил яркий свет. Он видел любящих родителей, играющих со своими детьми. На вид это были добрые люди, и Оливер постучал в дверь, в надежде, что ему дадут сколько-нибудь денег или хотя бы еду, но не тут-то было. Мужчина открыл дверь, посмотрел на мальчишку с ненавистью, и не дав Оливеру толком ничего сказать наотмашь ударил по лицу: *«Не смей тут околачивается голодранец. Проваливай!»* – сказал он и захлопнул перед мальчиком дверь. Чувство обиды и злости захлестнуло Оливера, он возненавидел богачей, купавшихся в роскоши, и которым было жаль дать несколько пенсов бедняку, их детей, получавших от родителей любовь и заботу, которым не нужно было выживать или мёрзнуть на грязных улицах Тиры – города, в котором Оливер жил до того, как попасть в приют, их дома с мягкими постелями и едой, в которых было тепло и уютно. В глазах защищало, и он припустился бегом, куда глаза глядят и остановился только тогда, когда споткнулся и растянулся на земле. С этого дня ненависть мальчишки только крепла, больше он не просил милостыню, а перебивался воровством и проституцией.

Джейн разделяла эту ненависть. Девочка рассказала, что когда она с матерью жила в маленьком городке Уикби, одноклассницы, те, у которых были более состоятельные родители, гнобили её, и обзывали «отбросом», за то, что у неё были старые изношенные платья и дырявые ботинки и даже хотели один раз засунуть её в помойку. *«Отбросам место на помойке!»* – примерно так скандировали девочки, пытаясь опрокинуть туда Джейн, но на её счастье, это увидела учительница, разогнала девочек и проводила Джейн до дому. Она ненавидела их. Ей тоже хотелось ходить в красивых платьицах, но денег еле хватало на еду. Ник же никого не ненавидел. Его сердце на это было просто не способно, поэтому он старался держаться от этих разговоров в стороне. Тео с Габби были шокированы шквалом обвинений против состоятельных людей, ведь они сами были из обеспеченной семьи. Брат с сестрой говорили, что не все богатые плохие, среди них есть порядочные люди, но друзья на это только фыркали.

Джейн с Габби переживали за Дору. Тео видел, как тряслась Джейн и как старалась не плакать, когда Педро Пуля домогался молоденькой негритянки на пляже, и когда вершилась судьба Доры, кем та будет в пакгаузе. И эта тревога передавалась его сестре. Габби от волнения сгрызла все ногти под корень, но ни одна из них не сказала Тео прекратить читать, хотя он, видя их состояние, настаивал на этом. Они горько плакали, когда Дора умерла от лихорадки, и мальчики как могли старались их утешить.

Когда Тео читал, как Педро Пулю посадили в клетку под лестницей, он словно ещё раз пропустил через себя все ужасы, которые он пережил в подвале. И хоть ему было невыносимо это читать, он прочитал, остальные же слушали молча и, возможно, друзья только теперь, читая о таких же страданиях Пули, всецело поняли, что чувствовал Тео, сидя в подземке. Они смотрели на него словно на героя, что парню, несомненно, льстило. Если Пуля грезил революцией, Тео грезил мстью и знал, что ни за что не отступить от этого. Книга оказалась тяжёлой для всех, но они несколько не жалели, что прочитали её. Оливер высказался о том, что, если бы у него была возможность, он бы был среди революционеров. Как он говорил правительство и парламент загнили, чиновники творят беззакония, а обычные люди страдают и живут в нищете. *«Вы думаете кто крышует Киллигана? Он же продаёт детей в рабство! И я уверен это всё и покрывает правительство!»* – так говорил парень.

Несколько раз Тео хотел поговорить с Уэнди насчёт капитанов и, в частности, насчёт гомосексуальности, но всякий раз его что-то останавливало. Оливер же, не стесняясь в открытую, спрашивал об этом медсестру, и получил ответ, который в корне отличался от написанного в книге. Она сказала: *«Будь с тем, с кем твоё сердце, неважно, кто это будет»*. Уэнди многое видела и всё понимала. Когда мальчики спали в мед. кабинете, она не препятствовала этому, как и близости Джейн и Генри – всё равно они бы её не послушали. Единственное чего боялась Уэнди беременности Джейн, поэтому прочитала этой парочке целую лекцию о том, к каким последствиям может привести нежелательная беременность. Джейн же могла похвастаться своей проницательностью, от неё не ускользнула реакция Оливера и Генри на гомосексуальные отношения между мальчишками в книге, а по Нику можно было всё читать как по открытой книге. Она не заводила разговора с Генри об этом, но с этого времени испытывала опасения относительно Оливера – она видела, как мальчик смотрит на её парня, и осознавая то, что Генри принадлежит ей, испытывала чувство торжества и даже некоторую жалость к Оливеру.

После возвращения Тома и Донована из госпиталя друзья никогда не ходили поодиночке, и всегда под рукой у них было их оружие. Они внимательно следили за прибывшими и спрашивались об их самочувствии у Уэнди. Бывшие командиры стали изгоями, они лишились своей власти, однако другие воспитанники их побаивались. Срывать свою злость на других детях троица не рисковала, потому что, в каждом племени действовал принцип: один за всех и все за одного. Если бы они попытались обидеть кого-то, то на них пошло бы всё племя, поэтому они держались особняком, продумывая план мести. Их не устраивало своё теперешнее положение.

Но пока Тео, Габби, Джейн, Оливер и Ник ходили в полном здравии, ни о каком контроле и власти над другими не могло идти и речи. Тем более в каждой группе был свой предводитель, от которых тоже нужно было избавиться. Остальные дети либо делали вид, что не замечали их, либо шарахались при виде Тома, Донована и Шкафа, как от прокаженных, особенно от Тома, вид которого действительно внушал ужас.

* * *

Близились Рождество, и двадцатого декабря, Тайлер ехал в приют с подарками для детей. В прошлом месяце он не встречался с ними, хоть и безумно желал видеть Габби, ощутить, как от её прикосновений по телу разливается нервное возбуждение. Тайлер понимал, что не должен чувствовать ничего подобного к девочке, совсем ещё ребёнку, не должен об этом даже думать, но мысли сами врезались в голову, и день за днём он снова и снова прокручивал в голове их встречу, – вот её заплаканные чёрные глаза, которые с ненавистью глядят на мужчину, вот она своими маленькими кулачками бьёт его от бессилия, а уже через минуту обнимает в ответ, он шепчет ей ласковые слова, и девочка, что-то бормоча сквозь слёзы, кивает головой. Мужчина помнил её быстрый поцелуй в щёку, когда он отдал ей фотографию, то, как она залилась краской и, стыдясь проявления своих чувств, убежала ни разу не оглянувшись. Он надеялся избавиться от мыслей о Габби, как от наваждения, и чем яростнее он старался не думать о ней, тем более отчётливый образ девочки вставал перед ним.

Для детей он купил пару зимних комплектов одежды – куртки, шапки, шарфы, зимнюю обувь, несколько пар тёплых носков, свитера. Он не питал иллюзий насчёт приюта и знал, что директор будет экономить на угле, давление в котле будет неизменно низким, и, соответственно, в приюте будет холодно, да и к тому же тёплых курток, как и ботинок на всех не хватит. Он боялся, что дети заболеют, и при ненадлежащем уходе, исход может быть самым трагичным, а этого мужчина никак не мог допустить. Отдельно для Тео он купил складной нож «Зеро» и несколько пачек Житана, а для Габби сладостей.

Он приехал в обед, когда у воспитанников был тихий час, отдал деньги мистеру Киллигану, справился об их здоровье у миссис Дженкинсон – она заявила, что беспокоиться не стоит, у Нэнси была лёгкая простуда, но она быстро пошла на поправку. Другим детям повезло меньше – несколько мальчиков и девочек серьёзно заболели, одни слегли с температурой, у других было воспаление лёгких. Больных изолировали от остальных воспитанников, и через некоторое время медицинский кабинет еле мог вмещать в себя заболевших. Миссис Дженкинсон привела детей. На Тео и Габби были испещрённые заплатками куртки, совсем не тянувшие на звание тёплых, создавалось впечатление, что кто-то нарочно из года в год их вспарывал. Зимнюю обувь им заменяли прохудившиеся ботинки, подошва которых отклеивалась, при ходьбе снег, выпавший совсем недавно в огромном количестве, забивался внутрь. Сердце Тайлера сжалось от этой картины. *«На морозе в этом и пятнадцати минут не протянешь. Знаешь, мои подарки будут как нельзя кстати»*, – подумал про себя мужчина, в предвкушении упоительного чувства того, как девочка обрадуется подаркам, и это он будет виновником её радости. Габби выглядела бодрой и отдохнувшей, на Тео же без слёз нельзя было смотреть. На осунувшемся лице, покрытом сажей, под глазами отчётливо вырисовывались мешки. Он потёр переносицу и с огромным недовольством смотрел на мужчин, которые не дали ему выспаться в тихий час.

Дженкинсон, стоявшая позади детей, немного толкнула их и полусепотом сказала: *«Поздоровайтесь»*.

– Здравсте! – в один голос сказали брат с сестрой. Девочка при виде Тайлера вспыхнула и тут же отвела глаза. На самом деле она ждала его и в прошлом месяце тоже, и когда он не захотел увидится с ними, очень расстроилась, хоть и не подала вида. Тео стоял, сдвинув брови,

он буквально ощутил, что его сестра скучала по мужчине, и это приводило его в бешенство. Единственное, что ему было нужно от Тайлера – это информация. Тео хотел заново накинуться на мужчину с расспросами, и уж в этот раз он добьётся своего.

– Что с мальчишкой? Почему он в таком виде? – Тайлер пристально уставился на директора, надеясь его смутить, но тот и бровью не повёл.

– Теперь Генри и другие мальчики работают в котельной. Если он не следит за гигиеной, то только из-за своей лени, – сказав это, он обратился к мальчику: – Если тебе тяжело, то я могу освободить тебя от этой работы.

– Нет, мне не тяжело. Я буду работать.

Больше всего на свете Тео мечтал о том, чтобы никогда больше не работать кочегаром, но он не мог позволить, чтобы остальные мальчишки сочли его слабаком, особенно его друзья.

– Тогда, будь добр, приведи себя в порядок, – отчеканил мистер Киллиган, сверля взглядом мальчишку.

Как же Тайлеру хотелось выбить всю дурь из этого напыщенного уродливого создания, но сделать он этого не мог. Пока не мог.

– Я вам кое-что привёз. Мы идём на улицу.

– Миссис Дженкинсон, вы пойдёте с ними, – равнодушным тоном сказал мистер Киллиган, который, получив деньги, больше не обращал внимания на детей и теперь рылся в документах, внимательно изучая счета.

Женщина кивнула, и они все вместе в гнетущем молчании вышли во двор. Тео не терпелось начать терроризировать Тайлера, а Габби было до чёртиков интересно, что же привёз мужчина: *«Неужели это подарки?»*

– Миссис Дженкинсон, вы не могли бы... – Тайлер полез в карман и достал несколько банкнот. Как и в случае с Сэмом он хотел откупиться от воспитательницы деньгами, чтобы побыть с детьми наедине.

– Я что похожа на ту, кто берёт взятки?! Мне не нужны деньги мистер Маккуэй, – миссис Дженкинсон говорила таким тоном, будто Тайлер был одним из нерадивых воспитанников приюта. Может, у неё вошла в привычку такая манера общения, и она разговаривала так абсолютно со всеми, но это немного рассмешило детей. – Если вы хотите побыть наедине со своими детьми, то я не буду мешать, – она удалилась от них, бормоча себе под нос: *«Как будто мне самой хочется торчать тут с ними на морозе. Это в моём-то возрасте»*, – гордо вскинув голову, она зашагала к уродливой статуе, на такое расстояние, чтобы видеть детей, но не слышать, о чём они говорят с женщиной, достала сигарету и закурила.

«Побыть со своими детьми... – усмехнулся мужчина, – они не мои!» Но внутренний голос с ним не соглашался: *«Ты несёшь за них ответственность Тайлер. Ты бы мог забыть об этих детях, но вместо этого ты притащил им подарки к Рождеству. Это твои дети!»* Он взглянул на растерянные лица Габби и Тео и вдруг почувствовал невыносимую тоску. С каждой секундой он всё больше убеждался в правоте слов миссис Дженкинсон, а острое желание забрать их только усиливалось.

Тайлер подозвал их к машине, открыл багажник и достал пакеты.

– Что это? Это подарки? – глаза Габби округлились, она восхищённо смотрела на мужчину, ей сразу же захотелось посмотреть, что там, и она тут же схватила первый попавшийся ей под руку пакет. Именно такой реакции мужчина и ждал, и его рот сам по себе расплылся в довольной улыбке.

– Да, подарки к Рождеству. Там несколько комплектов одежды, ботинки, сладости... – Тайлер уже начал распаковывать другой пакет, но Тео тут же резко перебил мужчину:

– Мы не можем это взять! Положи пакет Габби.

– Но, но Тео... – растерявшись, девочка не знала, что сказать. Она только нашла небольшой пакетик со сладостями и прижимала его к себе точно сокровище. Габби обожала слад-

кое, но в приюте им ничего такого не давали, если только Уэнди изредка угощала их, привезёнными из города доктором Стэнфордом, конфетами. Тайлер также удивлённо покосился на мальчишку, достал сигарету и глубоко затянулся.

– Посмотри, во что вы одеты. Прохуdivшихся ботинки, рваные куртки. Ты хочешь, чтобы вы заболели? Тем более, как мне сказала воспитательница, у Габби уже была простуда, – мужчина подумал, что парень слишком горд, чтобы брать то, что он привёз, и Габби в подтверждение этих слов задрожала. Но дело оказалось совершенно в другом.

– Как мы объясним это Оливеру, Нику и Джейн? Откуда у нас новенькие куртки, ботинки и всё остальное? – обратился мальчик к сестре.

– Но мы, мы можем...

– Они не поймут Габби, и никто не поймёт. Возникнут вопросы, а нам это ни к чему. Да и как ты сможешь ходить в хорошей одежде, когда наши друзья и все вокруг ходят в обносках? Я не смогу. И я не надену это.

Тайлер продолжал нервно курить, но теперь к чувству раздражения примешивалось и чувство гордости. Мужчина одобрительно посмотрел на Тео и кивнул ему. *«Но хотя бы что-то они должны взять? Хоть чёртовы носки или перчатки»*. Он руководствовался заботой об их здоровье, но понял, что сглупил, притащив им одежду. Мужчина и правда хотел заботиться о них обоих, не только о Габби, но отчётливо понял, что всем этим вещам суждено пролежать до следующей зимы.

– Ты прав, – Габби чуть ли не плакала, но всё же протянула пакет со сладостями Тайлеру.

– Пусть возьмёт хотя бы одну шоколадку, – мужчине больно было смотреть на девочку, в уголках её глаз уже скопилась пара слезинок, она, как обычный нормальный ребёнок хотела подарков, хотела сладостей, но приходилось их возвращать, и это казалось ужасной несправедливостью. – И гребень для волос, – Тайлер достал из кармана красивый гребень с белыми цветами и искусственным жемчугом.

Габби с надеждой посмотрела на брата и быстро заговорила:

– Пожалуйста, Тео, всего одну шоколадку, я поделюсь со всеми и скажу, что стащила её на кухне. А гребень я спрячу, я не надену его, просто буду иногда на него смотреть.

Тео тяжело вздохнул, но отказать сестре был не в силах, особенно когда она так смотрела на него, поэтому мальчик кивнул.

– Спасибо! – Габби просеяла, обняла брата и принялась искать самую вкусную шоколадку среди прочих сладостей.

– Возьмите тёплые носки, – Тайлер порылся в пакете и достал несколько пар мужских и детских носков. – Я не думаю, что из-за них могут возникнуть проблемы, – он протянул носки мальчику, и тот, немного подумав и придя к такому же выводу, запихал свои в карман куртки, а детские отдал сестре. – И ещё кое-что. Надеюсь, ты не откажешься от него, – мужчина достал из кармана небольшой складной ножик, и нажал на выступ. У Тео глаза так и заблестели: стальное лезвие чуть меньше четырёх дюймов было прочным и отлично заточенным, сталь блестела на солнце, и Тео мог думать только о том, насколько это отличное оружие, которое в случае необходимости он может направить против Тома и остальных. Он любовался ножом, но не решался его взять.

– Бери-бери – это хороший нож. Рукоять здесь удобная и обеспечивает твёрдый хват. Замок надёжный – флиппер. Он обеспечивает безопасное раскрытие ножа, причём одной рукой, что очень удобно. Просто нужно нажать пальцем на выступ. Линия обуха плавно опущена к острию, а это значит, что нож прочный, удобный в использовании, и хорошо проникает в... – мужчина спохватился и подумал, что слишком увлёкся своим рассказом, но он видел, что Тео ловит каждое его слово, что просто не могло не польстить.

– В тело. Я понял. И спасибо за фотографию.

– Мы спрятали её в тайник, – похвастались Габби, – и это я придумала.

– И куда же вы спрятали её?

– У нас в столовой есть небольшая сцена, и в самом углу стоит старое пианино. Как-то раз, когда никого не было, я поднялась на сцену и попробовала сыграть, но оно полностью расстроено. И я заметила, что некоторые чёрные клавиши можно поднять и внутри них есть полость. Туда мы и положили фотографию, – девочка рассказывала об этом с некой торжественностью, ей хотелось услышать похвалу в свой адрес, чтобы мужчина оценил её изобретательность и находчивость.

– Ты умница Габби! Лучше и нельзя было бы придумать! – он ласково смотрел на девочку и готов был хоть весь день ей восторгаться, пожелай она этого.

– Я знаю, – Габби залилась краской и чуть ли не кокетливо посмотрела на Тайлера.

При нём она становилась совсем другой, что-то менялось в ней. Девочка тянулась к мужчине, смущалась при виде него. *«Это что? Какая-то детская влюблённость?»* – задавался вопросом Тео и не знал, что с этим делать, он даже не знал, осознавала ли это его сестра.

– Остальные вещи пусть полежат до следующей зимы.

– Спасибо Санта! – Габби засмеялась и хитро прищурилась.

Тео готов был заорать в голос: *«Что она сказала?! Спасибо Санта? Он, твою мать, наёмник, у которого, скорее всего, внушительный послужной список, а она кокетничает с ним!»*

От Тайлера, как и от Габби не укрылось то, как мальчишка мрачно переводил взгляд с сестры на мужчину. Ему совсем не нравилась эта их идиллия, и девочка тут же приняла серьёзное выражение лица и перестала улыбаться. Она не хотела, чтобы Тео понял, что Тайлер нравится ей, она боялась его реакции, ей ли не знать, каким её брат может быть в приступе злости.

– У нас для тебя тоже есть подарок, – обратилась Габби к мужчине. Тео же удивлённо покосился на сестру. – Я знала, что рано или поздно мы увидимся, поэтому попросила друга сделать для тебя амулет.

Девочка покопалась в кармане куртки и извлекла оттуда шнур, завязанный узлом, на котором красовались булавки, засохший чернослив, были намотаны красивые перья, которые Габби сама украдкой собирала.

– Это защитный амулет, он защитит тебя от плохих людей.

Сказать, что Тайлер был удивлён, означало никого не сказать. Он был сражён тем, что девочка всё это время думала о нём, и попросила друга сделать этот амулет. И не просто амулет, а защитный. *«Значит, она боится за меня. Боится, что со мной может что-то случиться».*

– Ну же наклонись, – оторвала Тайлера от мыслей Габби, и нацепила ему на шею ожерелье.

– Спасибо, мне очень нравится. Я не сниму его, – Тайлер был тронут, он хотел было обнять Габби, но под пристальным взглядом Тео решил этого не делать.

Тео уже вконец достало их воркование, он нестерпимо хотел поговорить о самом важном, а именно об отце, поэтому он громко кашлянул, чтоб эти двое наконец-то оторвались друг от друга.

– Расскажи про отца, – теперь всё внимание мужчины было приковано к мальчишке.

– Тео я же говорил...

– Ты что не понимаешь, что мне нужно это знать! – оборвал его Тео. Он не хотел слушать очередные наставления о том, что месть – это плохо, и этим уже ничего не исправишь. – Я не отстану от тебя. Мы его дети и мы должны знать.

Но Тайлер молчал, и общее напряжение с каждой секундой всё больше усиливалось.

– Говори! – не выдержав, взревел Тео.

– Я тогда всё сказал.

– Отлично! – Тео кинул нож и носки на землю. – Тогда мне это не нужно. Хочешь выполнить обещание, данное отцу – валяй, но ни с ней, ни со мной ты видеться не будешь. Пойдём Габби.

Он взял сестру за руку и стремительно повёл её в приют. Тайлер стоял как вкопанный, мальчишка уводил от него Габби, и имел на это полное право. Девочка обернулась на мужчину, и так печально на него посмотрела, как будто это была последняя их встреча. *«Она нужна мне. Я не смогу отпустить её. А может это и к лучшему. Ты уже к ним привязался, а дальше что? Всё равно, что дальше, главное сейчас. И в конце концов, хочет – пусть мстит, главное, чтоб не втягивал в это её»*. Мысли мужчины бросались из одной крайности в другую, и пока он решал, дети всё ближе подходили к дверям приюта. Тайлер поднял подарки Тео, окрикнул детей и скорым шагом подошёл к ним.

– Я расскажу – обещаю, но только тогда, когда заберу вас отсюда. Не забивай сейчас этим голову Тео. Тебе нужно позаботиться о сестре, а не строить планы мести.

Тео долго смотрел на мужчину. *«А быстро он подорвался, стоило только пригрозить, что он больше не увидит Габби. Какого чёрта?»* Мальчик вспомнил слова другого наёмника о том, что у Тайлера была дочь, но её убили, как и его жену. *«Возможно, он смотрит на Габби и вспоминает свою дочку, поэтому проявляет заботу»*. Ему даже стало немного жаль мужчину.

– Поклянись, что расскажешь.

– Клянусь, – мужчина протянул Тео подарки и достал из кармана пачку Житана. – С Рождеством дети! – немного грустно сказал мужчина и зашагал к своему авто.

* * *

Мистер Лейк попросил Сэма дать ему в помощники нескольких мальчишек для обслуживания котельной, и, конечно, выбор воспитателя пал на Ника, Оливера и Генри. Начиная с середины ноября мальчишки коптились в котельной, таскали уголь и кидали его в топку, два раза в месяц прочищали поддувало. В помещении стояла такая духота, что Оливер с его астмой еле выдерживал такую работу. К счастью мальчишек, им приходилось бывать там не каждый день, была другая смена. Уэнди была категорически против такой эксплуатации детского труда, и даже разговаривала с мистером Киллиганом насчёт того, чтобы нанять работников по обслуживанию котельной, но директор только отмахивался от неё. Зачем кому-то платить, если можно использовать труд детей бесплатно? Тогда она попросила за Оливера – женщина понимала, что с астмой, в этом пекле работать сущий ад, и он пошёл ей навстречу. Если остальные мальчишки приходили в котельную рано утром и должны были управиться до начала уроков, иначе тут же получали от учителей выговор, те записывали опоздание в свой журнал, а потом отдавали его Сэму, и воспитатель уже разбирался с нарушителями дисциплины, то Оливер приходил в котельную только вечером. Дети после работы валились с ног, но нужно было идти на уроки, они приходили все в саже, до невозможности грязные и изнурённые потому, что, как правило, не успевали помыться после работы, но никто над ними не смеялся, все понимали какой это тяжёлый труд, и втайне молились, чтобы и их туда не запихнули.

За неделю до Рождества детей заставили наизусть выучить песню «Славься Дева Мария», которую они должны были исполнить в сочельник перед преподавателями и воспитателями. Немытые, грязные дети, в этом убогом, кишасщем крысами приюте, одетые в какое-то тряпье со свечами в руках славили деву Марию, и дух Рождества не покидал их несмотря на все горести. Габби с Джейн тоже пели, а Ник, Оливер и Тео в это время обслуживали котельную: *«С какой-то стороны, – думали они, – нам даже повезло – не пришлось, как идиотам, стоять и петь перед взрослыми»*.

В сочельник и на Рождество отменили все уроки, и дети могли гулять, сколько им вздумается, что само по себе было уже подарком. Поэтому ребята носились до темноты на улице.

Тео с Ником наконец-то смогли в эти два дня нормально выспаться. После ребята рванули на улицу, где вместе с Габби и Джейн, валялись в снегу и играли в снежки. Ник попробовал покурить, после чего опалил себе брови, ресницы и долго кашлял.

– Я, – кашлянул Ник, – ни за что в жизни, – опять закашлялся, – не буду курить.

Оливер заботливо похлопал его по спине.

– Так в первый раз у всех, дальше ты привыкнешь.

– Попробуй ещё раз, – Джейн взяла ещё одну сигарету и протянула Нику.

– Ну уж нет! Я скорее лёгкие выплуну, чем попробую ещё раз, – мальчик поморщился и отмахнулся от протянутой ему сигареты.

– Отстаньте от Ника, – Габби взяла друга за руку, – пойдём лепить снеговика.

– Я тоже пойду с вами, – сказал Оливер и поспешил за Ником и Габби. Ему было неловко оставаться с этой парочкой – он ощущал себя лишним, чувствовал, что мешает им и что от него хотят побыстрее избавиться. Мальчик уже смирился с тем, что Джейн – девушка Генри, но это не отменяло того, что он его ревновал. Ещё как ревновал, только не показывал. С Джейн они не были друзьями, Оливер просто не смог бы с ней дружить, но она была хорошим человеком, мальчик знал это, к тому же это она тогда поговорила с миссис Дженкинсон, которая спасла его от Сэма, за что он был очень ей благодарен.

В пять вечера Уэнди позвала ребят к себе отмечать Рождество. Она знала, что мальчишки уйдут к восьми вечера в котельную и промучаются там до половины десятого, а ей хотелось устроить для них праздник. Также пришёл доктор Стэнфорд. Миссис Дженкинсон хоть и хотела присоединиться к ним, ведь она дружила с медсестрой, осталась на своём этаже приглядывать за девочками. Стэнфорд срубил для Уэнди небольшую ёлочку, которую она вместе с детьми украсила старыми игрушками, гирляндами и мишурой. Доктор заранее съездил в город и, купил там две бутылки шампанского, а для детей коробку печенья. Правда Уэнди часто отлучалась проверить больных воспитанников в кабинете, которым, она знала, было невыносимо в праздник лежать прикованными к больничной койке. Она носила им чай и печенье, что привёз доктор, и успела рассказать новогоднюю историю о Санта-Клаусе, северных оленях и эльфах – дети сами её попросили.

Доктор Стэнфорд включил приёмник, и из него полились звуки рок-н-ролла и рождественских песен. Веселье было в самом разгаре, и все уже хотели обмениваться подарками, но миссис Дженкинсон, открыв дверь, одной лишь фразой умудрилась вогнать всех присутствующих в ступор. От бывшего веселья не осталось и следа.

– Джейн, за тобой приехала мать.

Уэнди выключила музыку и в недоумении, как и все остальные, уставилась на старушку Джанки.

– Что?! Это шутка? – Джейн ушам своим не верила. Мать отдала её в приют потому, что не могла прокормить, Джейн для неё была обузой, и девочка даже не надеялась когда-нибудь снова увидеться с ней, хоть та и пообещала дочери, что настанет день, и мама заберёт её. Несколько месяцев кряду девочка каждый день высматривала свою мать: вдруг именно сегодня она придёт за ней? Но мама не приходила. В конце концов, Джейн плюнула на это занятие, и больше не ждала её. И тут вдруг врывается миссис Дженкинсон и объявляет, что её мама здесь, и она за ней приехала. Джейн покачнулась, в глазах потемнело, а голова закружилась, и если бы не Тео, который поддержал её, она наверняка бы потеряла равновесие и рухнула на пол.

В комнату вбежала женщина на вид лет тридцати с небольшим, с копной таких же рыжих волос. В глаза сразу бросался её вычурный яркий макияж, новенькое пальто красного цвета только добавляло вульгарности её образу, и, казалось, она была не совсем трезва.

– Детка ты не представляешь, как я соскучилась по тебе! – она принялась целовать и обнимать Джейн, скорее даже больше напоказ, чем от избытка чувств. Девочка опешила, как

и все вокруг, она стояла, не шелохнувшись, и не верила в реальность происходящего: *«Но как ей удалось? Она нашла работу? Нет – это вряд ли. Скорее какого-то мужика».*

– Если бы ты не отдала меня в приют, скучать бы не пришлось, – холодно ответила Джейн. Её мать всегда была беспечной, все заработанные деньги она тут же спускала на ветер в различных пабах, и других забегаловках, где можно было бы подцепить мужчину, и стащить у него кошелек. Она часто брала в долг, и подолгу не отдавала, у неё было несколько мужчин, подачками которых она пользовалась. Джейн же часто оставалась одна, либо с соседями, которые из жалости к ребёнку соглашались с ней посидеть. Став постарше, девочка также принялась за воровство и часто уходила в другой район, где не было знакомых, чтобы свиснуть кошелек, какие-либо побрякушки или еду. Бывало, её улучали в воровстве, но никогда не могли поймать. И в один прекрасный день, мама наняла машину и привезла Джейн в приют, сказала, что сейчас трудные времена. Вот и сейчас она твердила то же самое.

– Не будь такой букой Джейн, ты же знаешь моя малышка, тогда у меня было много проблем, – она говорила так легко, словно не было всех этих месяцев, как будто это было так просто взять и снова заслужить доверие ребёнка. – Собирайся, мы уезжаем.

– Что?! – крикнули Тео с Джейн в один голос. Тео не хотел верить в то, что сейчас происходит. Они с Джейн любили друг друга, она была его девушкой, а теперь пришла эта женщина и хочет их разлучить. *«Но это её мама, и Джейн, конечно, будет лучше с ней, ведь она её семья»*, – говорил мальчику внутренний голос. – *«Но я не хочу её отпускать – я люблю её».*

– Но мам...

– Никаких, но! Внизу нас ждёт Хэнк на машине, – женщина уже начинала терять терпение.

– Я не могу уйти, – Джейн посмотрела на Тео, и сердце её сжалось от предстоящей разлуки.

– Что за вздор! – визгливо воскликнула та. – Пойдём в комнату, соберём твои вещи, – она крепко взяла Джейн за руку и поволокла на второй этаж в комнату девочек.

– Я провожу вас, миссис Коутс, – миссис Дженкинсон последовала за ними, как и остальные.

Всё процессия шагала в полном молчании по лестнице, лишь впереди можно было слышать громкий голос матери Джейн. Сердце в груди Тео билось с невероятной скоростью: *«Она не уедет. Это какая-то чудовищная ошибка»*, – он поднялся по лестнице словно в тумане, и замер перед дверью в девчачью общую комнату, которую миссис Дженкинсон захлопнула перед его носом, пропустив лишь Габби и Уэнди.

Почти не моргая и не дыша, Тео гипнотизировал дверь. До него долетали обрывки утешительных слов друзей, но мальчик никак на них не реагировал. Тео не хотел верить, что их отношениям с Джейн пришёл конец, что прямо сейчас она и её мать собирают вещи девочки, что сегодня её уже не будет в приюте, и теперь он больше никогда не увидит её. *«Нет! Её мать скажет, где они живут, и когда мы с Габби выйдем из приюта, я найду её. Обязательно найду, и мы снова будем вместе».*

Тем временем в комнате девочек Моника, мама Джейн, принялась укладывать вещи дочери в сумку, которую она прихватила с собой. Её личные вещи состояли из пары стареньких платьев, колготок, летних сандалий и деревянной расчёски – всё остальное было приютским. Когда Моника только вошла в комнату, все девочки, как по команде уставились на неё с любопытством, теперь же в глазах воспитанниц стояла неприкрытая зависть. Одну из них, которую они больше всего терпеть не могли, забирает родная мама. Её будут любить, целовать на ночь, одевать в красивые платья. Она будет есть досыта, смеяться, тёплые объятия мамы будут согревать её, пока остальные здесь мёрзнут, недоедают, падают от усталости и от тяжёлой работы. Сейчас девочки ненавидели Джейн больше всего на свете, некоторые зарывались лицом в подушку и сдавленно плакали. Джейн же не обращала на них внимание – её прежняя

жизнь в приюте рушилась, мама снова была рядом, но радости от этого она не испытывала. Если раньше она всё бы отдала, чтобы мама забрала её, то теперь... Здесь у неё был Генри, парень, которого она любила, без которого она уже не представляла свою дальнейшую жизнь, друзья, которые стали ей словно родные. Они были её настоящей семьёй, а не эта женщина. Пока Джейн молча об этом думала, Моника не прекращала болтать.

– Ах, Дженни! Теперь мы всегда будем вместе, – она притянула Джейн к груди и погладила по голове. – Мы живём с Хэнком в небольшом домике, у тебя даже будет своя комната. – Джейн насилу вырвалась из хватки матери, и та удивлённо воззрилась на дочь, делая вид, что совсем не понимает, почему девочка так отстранённо себя ведёт. – Не переживай моё солнышко, скоро ты будешь дома.

– Мама прекрати! – резко сказала Джейн, затем, понизив голос до шёпота, отошла от матери. – Я не хочу никуда с тобой идти.

– Джейн, я твоя мать, как ты можешь так говорить? – лицо Моника покраснело, она достала небольшой шёлковый платочек и принялась утирать подступившие слёзы. Но дочку это нисколько не тронуло.

– Как я могу так говорить? – вспыхнула девочка. – Ты бросила меня, отдала в этот приют, даже письма не писала. Я не поеду с тобой.

– Нет, ты поедешь со мной, – женщина выпятила нижнюю губу, словно обиженный ребёнок, и с досадой посмотрела на дочь. Ни одного «прости» так и не слетело с её напояженных губ, которого Джейн так ждала. Ей нужно было хоть какое-то подтверждение того, что она её любит, что сожалеет о том, что отдала дочку в приют.

– Кто твой дружок мам? Барыга, спекулянт, может держатель тех кафе, что стояли на Палмер стрит? (Девочка имела в виду заведения, где бордели, маскировались, под обычные кафе. Они открывались по ночам, проститутки там танцевали стриптиз, а затем обслуживали клиентов). Кто?

– Замолчи! – Моника до боли сжала руку Джейн. – Хэнк работает в полиции, он порядочный мужчина.

Воспитанницы приюта смотрели на них во все глаза, перешёптывались, кто-то даже подсел поближе, чтобы быть в гуще событий. Габби, Уэнди и миссис Дженкинсон, наоборот, держались на расстоянии, не мешая разговору матери с дочерью.

– Джейн я понимаю, как ужасно поступила с тобой, прости меня дочка, – женщина протянула руку и дотронулась до щеки Джейн. – Я изменилась – бросила выпивку, познакомилась с Хэнком. Мы можем стать семьёй. Ты же всегда этого хотела.

– Я уже не знаю, чего хочу, – по лицу Джейн бежали слёзы. Мать привела Джейн в приют восемь месяцев назад. Джейн помнила, как умоляла Моника не оставлять её, как она ждала, стоя у окна, что мама всё-таки вернётся, но она не возвращалась. И вот она здесь, но она стала ей чужой. Чужая женщина, которая говорит, что изменилась, что снова хочет быть семьёй. *«Нет, не чужая. Просто я отвыкла от неё. Она моя мама».*

– Ну-ну моя дорогая, – Моника погладила дочку по голове, и девочка не в силах больше сдерживаться положила голову на колени матери и обняла её ноги. – Всё будет хорошо, я люблю тебя Джейн и больше не совершу никаких ошибок, – женщина обняла дочку в ответ, и тихонько покачивалась с ней в такт настенным часам, которые висели над дверью. – Поехали домой, дай мне ещё один шанс.

– Джейн! – девочка подняла голову и увидела Генри. Он застыл в дверях, не решаясь двинуться дальше. Парень не мог больше ждать снаружи, миссис Дженкинсон хотела было выдворить его, но Уэнди ей помешала, шепнула что-то на ухо, и старушка позволила ему пройти.

– Это твой... друг? – женщина с любопытством посмотрела на Тео и перевела взгляд на дочь.

– Да... это мой друг, – тут в комнату ввалились и Ник с Оливером, – и они тоже.

– Что ж, тогда попрощайся со своими друзьями.

Джейн прикрыла ладонями свои опухшие от слёз глаза. *«Мы расстаёмся навсегда, и я не в силах этому противиться. Как я могу их вот так бросить?»* Нэнси, Ник, даже Оливер были её новой семьёй. А Генри... Она считала его своим мужем, она любила его, и когда они оставались вдвоём, они предавались мечтам о том, что, сбежав из приюта, непременно поженятся.

– Ты уезжаешь? – Тео всё также стоял в дверях, он не решался подойти к девочке. Больше всего он хотел, чтобы это оказалось чудовищным сном, одним из тех жутких кошмаров, которые раньше приходили к нему каждую ночь.

– Я... Генри, мне так жаль, – девочка нужны были его объятия, она хотела напоследок впитать его в себя, его запах, голос, мозолистые ладони, запомнить какие на ощупь его волосы. Она подбежала к Тео и прильнула к нему всем телом. Парень обнял её и зарылся лицом в копне рыжих волос. Им было всё равно, что на них все смотрят – остальные воспитанницы, их друзья, Моника. Сейчас во всём мире существовали только Тео и Джейн. На неё нахлынули воспоминания, всё, что приключилось с ними в приюте. Перед глазами побежали картины прошлых месяцев: как Генри спас Джейн от Тома, как они тайно целовались, как первый раз занимались любовью на его день рождения. Девочка чувствовала, как тело парня задрожало. Тео потерял счёт времени, весь его мир сконцентрировался на Джейн, он не хотел её отпускать. Отпустить – значит потерять, допустить то, чему он не мог позволить свершиться. Они не знали, сколько так стояли, но миссис Дженкинсон, видя нетерпение Моника, громко кашлянула.

– Милая, нам пора, – женщина подошла и коснулась плеча дочери, но девочка не обращала на неё внимания. Она взяла руки Тео в свои и посмотрела в его такие же красные глаза, как у неё самой.

– Я не хочу прощаться с тобой. Ни с кем из вас, – Джейн окинула друзей взглядом: Габби стояла и тихонько плакала, прижимаясь к Уэнди, та гладила её одной рукой по голове, другой, утирая подступившие слёзы. Ник пытался держаться, но у него это плохо получалось, и мальчишка, опустив голову, шмыгнул носом. Оливер стоял потупившись и выглядел абсолютно растерянным.

– Джейн! Не уезжай! Что я буду без тебя делать? – Габби кинулась к подруге и крепко обняла её.

– Ты справишься Нэнс. Ты стала для меня сестрой, и я очень буду скучать по тебе, – она уже давно относилась к Габби, как к младшей сестрёнке, и даже сейчас старалась быть сильной для неё и как-то успокоить.

– Т-т-ты тоже мне с-с-сестра, – еле проговорила Габби.

Неожиданно для всех Ник крикнул:

– Я сейчас приду, я мигом, – мальчик уже было пустился бежать, но Оливер дёрнул его за рукав и вопросительно посмотрел.

– Ты куда?

– Подарки! – только и смог выпалить Ник.

Дети мигом поняли его, и с заверением, что они пулей прибегут обратно, помчались в комнату Уэнди, где и лежали под ёлкой, завернутыми в старые газеты, подарки.

Тео сразу же нашёл свой подарок для Джейн – это была деревянная музыкальная шкатулка в виде сундучка с позолоченной отделкой, внутри которой крутилась белая фигурка балерины. Это была шкатулка Уэнди, и когда Тео пришёл к медсестре посоветоваться насчёт подарка для девушки, она дала ему сундучок. Тео сначала не хотел её брать, он подумал, что возможно она служит памятью о ком-то, но для Уэнди эта шкатулка не была памятной, она купила её как-то в музыкальном магазинчике, просто потому что ей понравился сам дизайн. И Тео согласился – ему приглянулась эта изящная вещица, и он подумал, что Джейн обрадуется такому подарку. *«Теперь она будет слушать её и вспоминать меня, и пока эта шкатулка будет с ней, она ни на день не забудет обо мне».*

Габби достала из газеты гребень – тот самый, который Тайлер подарил ей.

– Она будет такой красивой с этим гребнем в волосах, – дрожащим голосом произнесла Габби, не сдержалась и всхлипнула.

– Пожалуйста, Нэнси!

Девочка видела, что брат на грани, и больше не произнесла ни слова.

Как-то Ник нарисовал всех друзей вместе, они, конечно, не позировали ему, он делал это по памяти, и этот рисунок он сейчас достал из-под ёлки и прижал к себе.

«Я ещё ни разу не дарил Джейн амулет, а он сейчас для неё как нельзя кстати» – подумал про себя Оливер. Несмотря на то, что он ревновал Генри к Джейн, несмотря на то, что она не была его другом, она вступилась за Оливера, когда тот так в этом нуждался, и спасла от Сэма, к тому же он видел, что Генри действительно любит её, он видел, как тот сейчас страдал, и даже в глубине души мальчик не мог радоваться, что Джейн забирают. Раньше, может, он этого и хотел, но, когда это действительно произошло, он осознал – злиться на Джейн было глупо. Он хотел, чтобы Генри был счастлив, и Оливеру, как и всем друзьям, было тоскливо, что девочка, для которой они стали семьёй, покидает их. Оливер не мог допустить, чтобы Джейн запомнила его, как того, кто постоянно хмурился, смотря на неё, кто по доброй воле даже не заговаривал с ней. Мальчик достал из-под ёлки нарядное ожерелье на медной проволоке с белыми пуговицами и голубыми ленточками, которые он стащил у Уэнди, чтобы впоследствии ей его и подарить, но бог с ним. Оливер решил, что для Уэнди он сделает другое.

Они вышли из кабинета и увидели, что в холле уже стоят Джейн с матерью, Уэнди и миссис Дженкинсон. Первым подбежал к девочке Ник.

– Это тебе на память. С Рождеством Джейн! – он протянул ей рисунок, и девочка, которая вроде бы взяла себя в руки, снова разрыдалась. Она обняла Ника и поцеловала его в щеку, отчего Ник сделался пунцовым, опустил глаза и отошёл, поскольку Габби тоже не терпелось отдать свой подарок.

– Не спрашивай, откуда он у меня, просто возьми. Он так будет хорошо смотреться на твоих волосах. С Рождеством Джейн! – она обняла подругу, и долго не могла отпустить. – Я люблю тебя! – Джейн улыбнулась сквозь слёзы и потрепала Габби по голове.

Настал черёд Оливера. Потупив взгляд, он подошёл к девочке и достал из кармана ожерелье.

– Прости меня Джейн. Я знаю, ты догадываешься, почему я так вёл себя с тобой, – мальчик говорил тихо, чтобы его слова могла разобрать только она. – Но я не хочу, чтобы ты запомнила меня таким. Вот возьми – это амулет на память, он всегда будет напоминать тебе о нас и о нашей семье здесь в приюте. С Рождеством!

– Ох, Оливер! – Джейн обняла мальчика. Конечно, она знала, что отстранённость, и холодное равнодушие Оливера, направленное на неё, связано с его чувствами к Генри. Она шепнула ему на ушко: – Береги его. Он может надеть глупостей. Пообещай мне.

– Я обещаю, – таким же шёпотом ответил ей мальчик.

Остался только Тео. Ноги его подкашивались, грудь тяжело вздымалась. Вот они – их последние мгновения. Как легко потерять любимого человека, тебе кажется, что он будет всегда рядом, но за секунду всё может кардинально измениться. Все надежды и мечты рушатся в одночасье, и ты не властен как-то этому помешать, ты остаёшься немым свидетелем того, как из твоей жизни вырывают любимую. Парень, держа в руках сундучок, подошёл к Джейн.

– Это мой подарок тебе на Рождество.

– Какой красивый! – Джейн взяла в руки вещь и невольно залюбовалась её отделкой.

– Это музыкальная шкатулка. Открой её.

Девочка открыла сундучок. Под волшебные, переливающиеся звуки музыки, внутри кружилась белая фигурка балерины. Разливаясь, мелодия заполнила все уголки холла. Джейн, с

открытым ртом, как замороженная смотрела на это чудо. Ей никогда не дарили ничего подобного, и девочка прижала к себе эту драгоценную вещь.

– Тебе нравится? – осторожно спросил Тео. Хоть он и видел, что подарок пришёлся по душе, но ему хотелось услышать это.

– Конечно! Генри – это удивительный и самый прекрасный подарок в моей жизни! – девочка кинулась к нему на шею.

– Обещай открывать её каждый раз перед сном и вспоминать меня. – Тео подался вперёд, их лица почти соприкасались.

– Обещаю Генри! – с жаром произнесла она, и Тео знал, что она действительно так и будет делать. Они смотрели друг другу в глаза и старались навеки отпечатать в своих душах образ и глубину друг друга. Тео прикоснулся ладонью к щеке Джейн и поцеловал её. Из её глаз брызнули слёзы, и Тео принялся утирать руками мокрые дорожки, которые текли по щекам.

– Я найду тебя Джейн. Я выберусь отсюда, найду тебя, и мы будем вместе.

Джейн уткнулась ему плечо. Верила ли она Генри? Она знала, что они расстанутся надолго, как минимум на несколько лет, а то и больше, и что их ждёт в будущем, никто не знал.

– Миссис... Миссис Коутс, в каком городе вы будете жить, в каком районе? – Тео был уверен, что когда он выбирается из приюта, совершит месть, то первым делом отправиться на поиски девочки, а может, сначала найдёт Джейн, а потом отомстит.

Моника была тронута тем, насколько этот молодой человек трепетно относится к её дочери, и она решила дать ему адрес, хотя и не думала, что они там долго проживут.

– Мы будем жить в Сесте, в районе Кеминти на Леманстрит.

«Сест, Кеминти, Леманстрит» – повторял про себя, как заезженную пластинку, заветный адрес парень.

– Джейн, нам пора идти, Хэнк ждёт, – Моника и не думала, что прощание с приютом затянется так надолго. *«Это, конечно, мило, что они так привязались к моей Джейн, но, чёрт возьми, сколько можно прощаться?»*

– Я вас никогда не забуду. Обещаю!

– И мы тебя не забудем, – Габби кинулась к Джейн, а за ней и все остальные. Уэнди обнимала девочку и говорила, как будет по ней скучать, даже непробиваемая миссис Дженкинсон растрогалась и обняла девочку.

– Мы проводим вас до машины миссис Коутс, – сказала Уэнди, и взяла Джейн за руку.

– Я могу понести сумку, – Тео протянул руку к клади, которую держала Моника и та отдала ему сумку.

Они вышли на улицу. В свете фонаря лёгкие снежные хлопья описывали свой трогательный прощальный вальс, и со стороны можно было наблюдать, как девочка и её мама, обе с огненно-рыжими волосами, тепло одетые, подходят к синему пикапу. Три мальчишки, низенькая девочка с длинными каштановыми волосами, молодая женщина и статная дама в возрасте, все без верхней одежды, в лёгких ботинках, в которых они ходили в приюте, провожали их. Кудрявый паренёк отдал сумку мужчине, который встал с водительского сиденья и уставшим, недовольным долгим ожиданием лицом, оглядел всю процессию. Затем парень обнял свою девушку, последние слова любви слетели с их губ. Она махнула всем на прощание рукой, села на заднее сиденье пикапа. Машина тронулась и поплыла, опалённая снегом, по ухабистой неровной дороге в сторону автостреды. Мальчишка долго стоял на холоде, холод его совсем не трогал, и смотрел вслед синему пикапу, пока тот не скрылся из виду, а потом не помня себя побежал, что есть духу. Он бежал в ночь, в непроглядную темноту, сел на холодную, занесённую снегом землю под дерево. Его звали друзья, но он не хотел откликаться, парень погрузился в своё горе, в голове крутилось лишь: «Сест, Кеминти, Леманстрит». Он сидел там до тех пор, пока Оливер не наткнулся на продрогшее, еле шевелящее синими губами тело, и позвал

на помощь. *«Я обещал сберечь тебя Генри, и я сдержу обещание»*. У Тео было лёгкое обморожение, и он неделю провалялся с температурой в полубреде, зовя Джейн.

Глава 2

Лето 1964

Несмотря на вторжение Сильвии и на тень скуки от предстоящего обеденного визита, Лео вышел из отеля в приподнятом настроении. Его жена стояла около своего кадиллака пятьдесят четвёртого года, держала в правой руке бриаровый мундштук и курила Мальборо. Увидев мужа, она снисходительно посмотрела на него и плотоядно улыбнулась, отчего внутри у Лео всё сжалось: *«Она неспроста так улыбается. Что-то произошло за то время, пока я собирался. Что могло послужить такой перемене настроения?»* – мужчина изучающе уставился на жену.

– Не знаю, чем вызвана твоя ухмылка дорогая, но привлекательнее от этого ты явно не становишься.

Сильвия, гордо вскинув голову, выдохнула дым на Лео.

– Я имела удовольствие пообщаться с твоим мальчишкой с глазу на глаз. Ричи оказался очень интересным собеседником, – с наигранным добродушием произнесла женщина. Она ждала ответной реакции со стороны мужа, и если она всё правильно рассчитала, а ошибки здесь быть не могло, то она должна была незамедлительно последовать, что и произошло.

– Какого чёрта Сильвия? Что ты задумала? – Лео был явно раздражён, от бывшего хорошего настроения не осталось и следа. Он сверлил жену взглядом. В том, что она ненавидит его так же сильно, как он её, Лео не сомневался, впрочем, как и в том, что Сильвия не упустит случая причинить боль своему ненаглядному или как-то насолить. Да, в этой взаимной ненависти был виноват сам Лео. В том, что случилось с ним в прошлом, он винил двух людей – отца и совсем незаслуженно Сильвию. В глубине души он понимал, что она не виновата в том, что ему пришлось жениться на ней, но никак не мог смириться с тем, что он должен коротать всю оставшуюся жизнь с нелюбимым человеком.

До свадьбы Сильвия даже была влюблена в Лео, влюблённость будто надела шоры на её глаза, и она не видела или не хотела видеть, что её жених всего лишь играет роль влюблённого человека. А когда они поженились – притворяться не имело никакого смысла, и Лео тут же стал холоден с Сильвией. Если бы она знала, какой мукой для него было обнимать её, целовать и говорить слова любви. Всё это должно было принадлежать только Хьюго, а Лео на тот момент даже не знал, где его любимый. Отец заверял, что он жив-здоров, и никакими мольбами его было не пронять. Тогда Лео решил действовать иными методами. Теперь у него были деньги, и молодой мужчина нанял двух людей, чтобы те выбили силой из отца признание. Отто быстро раскололся, он сознался, что Хьюго был продан в Австралию, в Кухэсс. И Лео сказал своей жене что ему написал письмо друг, который сейчас находится в Австралии. Он писал, что якобы тяжело болен, и хотел бы увидеться с ним до своей кончины. Сильвия попалась на удочку, и мужчина беспрепятственно отправился в то место, про которое ему рассказал отец, но опоздал. К тому времени Хьюго умер от туберкулёза, его похоронили в общей могиле. Когда мужчина об этом узнал, то напился вдрызг, и хотел покончить жизнь самоубийством, прыгнуть с моста в реку, утонуть и пропади оно всё пропадом. Но его остановил Джимбо, который шёл победителем после боя. В таверне недалеко от места, где собрался топиться Лео, Джимбо участвовал в боях и получал за это деньги. Местные мужчины с удовольствием ходили в это заведение, ставили деньги на приглянувшегося бойца, а победителю хозяин заведения выплачивал весь причитающийся ему выигрыш. Он работал в отеле официантом, наполовину полинезиец, наполовину шотландец, он не был рабом, но к персоналу относились несколько не лучше. По крайней мере, им хотя бы платили, правда, это были сущие гроши, поэтому будущий водитель Лео и ходил на бои.

Возвращаясь из таверны, Джимбо увидел джентльмена, который собрался топиться и остановил его, хоть тот и сопротивлялся. Он тайно провёл Лео в номер гостиницы, где

жил сам, благо он жил один потому, что его соседа уволили, а нового официанта, пока не нашли. Он смекнул, что раз незнакомец хорошо одет, значит деньги у него точно водятся, и он рассчитывал на некую благодарность, разумеется, в денежном эквиваленте за спасение. В пол пятого утра официант принялся будить незадачливого прыгуна. Так они и познакомились, Лео рассказал ему свою историю, и официанта она тронула.

– Большие мне незачем жить Джимбо. Ты, конечно, своё получишь за моё спасение, но я намерен завершить начатое.

– Незачем?! – ошарашенно воскликнул официант. – Разве этого бы хотел Хьюго? – он заходил из стороны в сторону по комнате. – Вас лишили любви, свободы, чуть не лишили собственной воли. Неужели Вы не хотите отомстить?

Эти слова гулками ударами набата отдались в голове Лео и с этой минуты ядовитые чёрные ростки мести начали прорастать в душе мужчины. Он не пошёл топиться, поселился в этой гостинице, и с каждым днём всё больше и больше убеждался в правильности слов Джимбо. Сначала, то, что приходило ему в голову, пугало его, он думал об этом с содроганием, но по прошествии недели мысли о мести успели пустить корни, которые выкорчевать было уже никому не под силу. Как-то раз он пришёл на обед, сел за столик и подозвал к себе официанта.

– Джимбо, ты хотел бы поехать со мной в Эн-Си? Мне нужен рядом верный человек, и я думаю, ты мне подходишь.

Джимбо чуть не выронил поднос с едой, и расплескал чай. – «Хотел бы?! Да это мечта любого работника вырваться из этого Богом забытого места». – Он даже не верил до конца, что этот джентльмен взаправду предлагает ему, обычному официанту, поехать с ним в другую страну и быть его верным человеком. Лео же, видя, как загорелись глаза мужчины, продолжал:

– Я найму тебя водителем, и получать ты будешь намного больше, чем в этом захолустье.

– Мистер Гелдерн, право, я буду благодарен вам всю жизнь, – со всей искренностью, на которую он только был способен, воскликнул Джимбо.

– Но по прибытии тебе нужно будет кое-что сделать для меня, – мужчина внимательно посмотрел на официанта, как бы прикидывая, согласиться ему на такую сделку или всё же отказаться.

– Всё что угодно, просите что хотите, – с готовностью ответил Джимбо.

– Ты должен убить моего отца, – голос Лео даже не дрогнул, мужчина был твёрд в своём решении, и знал, что пока его отец ходит по этой земле, он не сможет спокойно жить.

Официант весь побледнел, он тут же подумал, что Лео, расквитавшись его руками со своим отцом, в итоге подставит его, а он совсем не хотел провести остаток своей жизни за решёткой. Отказ от этой авантюры уже готов был сорваться с его губ, но Лео опередил его.

– Не спеши отказываться. Я понимаю твои сомнения, – он достал сигарету и прикурил, глубоко затянувшись. – Ты спас мне жизнь, и я умею быть благодарным Джимбо. В Эн-Си нет человека, которому я бы мог доверить это дело. Я прилично заплачу тебе, половину до и половину после.

Соблазн наживы был велик, а желание убраться отсюда да поскорее было ещё больше, поэтому Джимбо на свой страх и риск согласился отплыть с Лео в Эн-Си. Пока мужчины находились в плавании, поселившись в разных каютах для пущей осторожности, они тщательно обдумывали убийство. По приезде, Лео снял для Джимбо квартиру на время, он решил, в целях безопасности выждать месяц, а потом свершить мсть.

Отец Лео жил отдельно на многолюдной улице в небольшом домике со всеми удобствами. По воскресеньям он любил ходить к шести часам вечера на мессу в церковь святого Патрика, которая находилась в двух кварталах от его дома, и никогда не изменял своей традиции. Отто

знал, что сын уже как месяц прибыл из своего путешествия, но Лео он хотел видеть меньше всего на свете, он всегда был для него одним сплошным разочарованием, к тому же как он понял, и сын не горел желанием его видеть. Что ж, так тому и быть. В доме его уже поджидал Джимбо. Дело было сделано быстро, и мужчина как можно скорее покинул место преступления, оставшись никем не замеченным. Лео же в это время преспокойно играл в гольф в гостях у друзей семьи Моретти. Две недели он безупречно исполнял свою роль, – был утиив и обходителен с женой, казался беззаботным и весёлым, что и говорить, в мужчине явно присутствовал актёрский талант, и даже в этот день, день, на который было назначено убийство, он умело скрывал свою тревогу и ничем не выдал себя. Один раз его позвали к телефону, разговор был коротким – остальным он сказал, что звонил портной, чтобы сообщить, что его новый костюм готов. На следующее утро тело нашёл молочник, который обычно по понедельникам доставлял мистеру Гелдерну молоко. Он сразу вызвал полицию, началось расследование, которое ни к чему не привело. Никаких улик не было и дело пришлось закрыть.

Лео начал пить, как ни крути, а смерть отца тяжким грузом легла на его плечи. Сильвия хотела быть с ним рядом, поддерживать его, но он только прогонял жену. Она пыталась его понять, списывала такое поведение на недавнюю утрату, ведь это ужасно потерять близкого человека. Сильвия и впрямь предполагала, что между Отто и Лео были хорошие отношения. Но после одной ночи отношение жены к нему резко изменилось. Сильвия так и горела ненавистью к мужу, и для мужчины это было в новинку. Лео не помнил, что было той ночью, он мог лишь только предполагать, что выложил жене, что никогда её не любил, и все его ухаживания были сплошной фикцией, чтобы влюбить в себя девушку и жениться на ней, вернее, на её деньгах.

Лео вскоре оправился от утраты. Хьюго был отомщён, теперь же мужчина хотел свободы, которую он не мыслил без денег. «Если бы как-нибудь можно было избавиться от Сильвии, всё её состояние досталось бы мне, как законному супругу» – но он не знал, как это можно проверить, с ней постоянно находился Брайан. Но вскоре ему представился такой случай, в этом деле у него появился союзник, и именно его руками Лео хотел уничтожить Сильвию, всё что нужно было, так это запастись терпением и ждать.

– О чём ты? – спросила Сильвия самым невинным голосом. – Мы просто мило поболтали и договорились о встрече.

– Он никуда с тобой не пойдёт, – безапелляционным тоном проскрежетал мужчина. «Теперь она хочет отнять у меня и Дикки? Чтобы насолить мне?» Мужчина считал, что Сильвия сделает всё, чтобы втоптать в грязь человека, к которому он начал испытывать смелые чувства, чтобы помучить Лео, заставить его страдать, и он не хотел такого для Дикки. «Он слишком молод, неопытен и доверчив, и она уж точно воспользуется этим».

– Это не тебе решать, – мягким, бархатистым голосом сказала Сильвия, села на заднее сиденье своего кадиллака, стряхнула пепел в карманную пепельницу, а затем убрала свои курительные принадлежности. – Этот щенок влюбился в меня, так почему бы мне не поразвлечься? Или он настолько тебе дорог?

– Оставь Дика в покое, а не то... «клянусь я уничтожу тебя» – чуть не сорвалось с языка Лео.

Сильвия упивалась сложившейся ситуацией, обычно все её колкости он встречал с холодным равнодушием или молчаливой ненавистью, ей редко удавалось его задеть, но в этом случае всё было по-другому.

– А не то что? – женщину забавляла раздражённость её мужа, и она даже не думала этого скрывать, выражение полного триумфа застыло на её лице. – Перестань сыпать пустыми угрозами. Ты никак влюбился, Лео? Что ж, тем веселее.

– Прекрати нести эту чушь. Он мой приятель, не больше, – ответил Лео как можно более равнодушно. Мужчина понимал, что совершил ошибку. В этой ситуации наоборот нужно было

показать Сильвии, что ему по большому счёту плевать на Дикки, нужно было сохранять холодную голову, но он не смог, и от этого бесился ещё больше. *«Она поняла, что я чувствую к нему. Чёрт!»*

– Тогда и волноваться не о чем. Не так ли Лео? – усмехнувшись, подвела черту Сильвия.

– Не играй со мной Сильвия, тебе это может дорого обойтись.

Женщина внимательно посмотрела в непроницаемое лицо мужа, оно ничего не выражало. *«Он угрожает мне?»* – Сильвия знала, что муж ненавидит её, но до угроз ещё дело не доходило, это был тревожный звоночек, но она решила оставить его без внимания, в конце концов, это всего лишь Лео.

– Поживём увидим. А теперь, будь добор, садись в свою машину, мы минут десять, как должны уже быть в пути.

И мужчине ничего не оставалось, как послушно забраться в свой Астон Мартин, и стараться успешно играть на этом дружеском визите счастливую семейную пару.

* * *

Ричард на ватных ногах добрался до станции метро. Он до конца не верил в то, что *Эта Женщина* позвала его, незадачливого молодого человека, прогуляться по набережной «Леди Ален». Всю дорогу он сидел в вагоне в крайнем смятении, и вышел из этого состояния оцепенения, только когда диктор объявил о прибытии на станцию Кондентли. Он не знал, почему Сильвия решила сменить гнев на милость, и у него даже в мыслях не возникло, что она сделала это не просто так, что ему в будущем предстоит жестокая, роковая партия, которую ему суждено проиграть. Выходя из подземки, юношу охватило такое счастье, что не смотря на пасмурную погоду и мелкий колючий дождь, он беззаботно подпрыгивал и радовался всему, что попадало в его поле зрения, напевая песню «Я люблю тебя детка».

Он вмиг взбежал по лестнице на второй этаж под удивлённые взгляды соседей, которые частенько видели молодого человека задумчивым и погруженным в себя. Теперь же Ричард словно сиял, попутно здороваясь со всеми и от всего сердца желая им прекрасного дня, он даже улыбнулся Стью, который от странности происходящего выронил наполовину скуренную сигарету, и взглядом проводил парня до самой двери. Ричард зашёл в комнату и застал Калеба за тщательным просмотром журнала «Черри» (порнографический журнал), который молодой человек, впрочем, с лёгкостью отбросил при виде друга, который, как ураган ворвался в комнату.

– О, ты, я вижу, весь светишься! – Кaleb поправил очки. – Видимо, хорошо повеселился со своей Шарлоттой. – Молодой человек решил сразу перейти в наступление, ему доставляло огромное удовольствие подтрунивать над своим другом, смотреть, как он смущается или наоборот заходится в крайнем возмущении от его реплик, и ему казалось, что он может заниматься этим бесконечно двадцать четыре на семь.

Ричард, боясь насмешек друга, совсем не спешил рассказывать ему об их тайной дружбе с Лео, а о Сильвии и подавно. В конце концов, у Калеба были свои секреты, и он не спешил делиться ими с Ричи, тогда почему Ричард должен рассказывать ему свои?

– Да, мы... разговаривали, танцевали, – начал было неумело выкручиваться молодой человек, но друг, заметив смачный засос на шее Ричарда, тут же его прервал.

– Разговаривали?! Что это у тебя там на шее? – скрыть свою иронию Кaleb не мог, и если уж он начинал капать ядом, то остановить его было никому не под силу.

Ричард невольно дотронулся до того места, где кожу саднило и неприятно пощипывало, и растерянно, как ребёнок, которого уллучили в отъявленных непристойностях, посмотрел на Калеба, не зная, что на это сказать.

– У-у-у-у-у, – протянул Калёб, – а твоя Шарлотта – страстная штучка. Давай рассказывай, как она? – *«Он переспал с Лео. Эх, Ричи, Ричи. Ты пошёл по наклонной».*

– Она... она удивительная. На первый взгляд кажется холодной и неприступной, но...

– А-а-а-а Ричи! – простонал Калёб. – Я имел в виду, как она в постели?

– Да иди ты к чёрту со своей постелью! – взорвался молодой человек.

Сам Калёб говорил, что немного измывательств – залог прекрасных гармоничных отношений, и своими глумлениями, он держит Ричарда в тонусе, чтобы тот не расслаблялся.

– Ты что, так напился, что не помнишь? – усмехнулся Калёб, достал Хэм Лейн и закурил.

Ричард покраснел до корней волос. *«Да, как, чёрт возьми, ты понял это?»* Он хотел, чтобы его друг серьёзно относился к его чувствам, он хотел донести до него, что девушка, в которую он влюблён вовсе не на одну ночь.

– Между нами точно ничего не было, – Ричард сложил руки на груди, и с укором взглянул на друга. – Она приличная девушка, и не легла бы в постель с человеком, которого видела второй раз.

– Так прям и ничего. И почему ты такое сокровище прячешь от нас? – не унимался молодой человек: *«Когда ж ты уже признаёшься Ричи?»*

– Ничего я не прячу, просто...

Он видел, что другу тяжело говорить об этом, а признаться в своей ориентации друзьям, он, скорее всего, считал просто невыносимым, и Калёб решил сбавить обороты, перегибать палку он не хотел.

– Слушай Ричи, мы с Эммой твои друзья, и с нами ты можешь быть самим собой. Просто я хочу, чтоб ты знал, что мы тебя всегда поддержим.

Ричард вопросительно посмотрел на него: *«И что значили эти его слова?»*

– Э-э-э-э, спасибо, – молодой человек не стал особо задумываться над репликой своего друга. Это же Калёб, у него язык, как помело, так что это вообще ничего не значило.

Молодой человек переоделся, достал новую, купленную недавно тетрадь в твёрдой чёрной обложке, в которую он собирался переписать по памяти все стихи, которые были утеряны с его старым блокнотом. Многие он помнил по памяти, некоторые совсем забыл, что его ужасно огорчало, и начать он решил со стихотворения, которое он посвятил Сильвии, которое он сочинил тогда под деревом в день чемпионата, и впоследствии читал Лео. В третьем четверостишье он немного изменил последние две строчки – получилось:

*«Томлением мучительным сердце объято.
Я смею тебя лишь в мечтах целовать»*

– Сочиняешь балладу любимой? – как всегда не удержался от колкости Калёб.

– Отстань. Видишь у меня вдохновение? Я потом тебе почитаю, – Ричард даже не поднял глаз на друга, у него уже родились в голове первые две строчки, и их нужно было немедленно перенести на бумагу.

– С нетерпением буду ждать.

Но Ричард едва ли расслышал, что сказал Калёб, в данный момент это был для него просто набор звуков.

*«Когда-нибудь ты обо мне узнаешь,
Когда-нибудь и мой настанет час...»*

Ричард сейчас чётко осознал, что между ним и Сильвией огромная социальная пропасть, она живёт в Ламингтоне, вращается в высших кругах, а он здесь в Нордсайде, живёт от зарплаты до зарплаты, денег еле хватает на вещи и продукты первой необходимости. *«Чёрт, ведь я*

даже не смогу сводить её ни в одно приличное заведение, мне абсолютно нечего ей дать, кроме своей любви и стихотворений, – молодой человек, как назло, вспомнил мужчину, кажется его звали Брайан, который подошёл к Сильвии, когда Ричард с ней разговаривал, – *уж он-то сможет ей дать всё, что она пожелает*». Юноше стало просто невыносимо тоскливо, он почувствовал себя бесполезной жалкой инфузорией, и стон чуть не сорвался с его губ. «Зачем она позвала меня? Может, Сильвия хочет просто посмеяться надо мной, а я, как дурак, тут радуюсь?» – от таких мыслей настроение Ричарда катилось на дно с невероятной скоростью, но тут ему пришла другая мысль. Он захотел быть достойным её, приблизиться к её миру насколько возможно, и хотел он пробиться туда своим талантом. «Мне нужно попасть в богемное общество, и я попаду туда. Нужно двигаться вперёд, работать над стихами, над романом, нужно разобраться с сюжетом» – вихрь мыслей закрутился в голове юноши, ему захотелось действовать, ему захотелось творить, создавать что-то новое. «Я добьюсь успеха и стану равным ей, правда, пока ещё не знаю как». И для начала молодой человек решил закончить четвертое четверостишие.

Нужна рифма к слову «узнаешь». «*Мерцаешь, обладаешь, витаешь, заиграешь*» – всё не то. В голову ничего не приходило, и Ричард решил спросить совета у Калеба.

– Можешь накинуть рифму к слову «узнаешь».

– Да легко, – Калёб хрустнул пальцами, и из него просто фонтаном посыпались слова: – «чихаешь, мешаешь, щипаешь, убажашь, оседлаешь», – парень хотел продолжить этот ряд, но Ричи его остановил.

– Стоп! Достаточно, – юноша с укоризной посмотрел на друга, на что Калёб в голос засмеялся. – Ты хоть когда-нибудь бываешь серьёзным? – вспыхнул Ричард.

– Не горячись так, дорогуша, – фыркнул друг и развёл руками. – Просто поэзия это не моё.

Ричард на это ещё какое-то время поворчал, и снова принялся гипнотизировать свою тетрадь, но в итоге решил устроить перекур. Он подошёл к окну, где снаружи лёгкий ветерок кружил повсюду тополиный пух, устроив самое настоящее снежное лето. Ричард же всегда любил багряную яркую осень, когда все деревья в своём пышном убранстве постепенно сбрасывают свой наряд, обнажая голые ветви, и постепенно увядают, чтобы возродиться вновь. Его влекли дорожки, усеянные золотым ковром, чуть греющее солнце, запах опавших листьев, во всём этом было какое-то очарование, та прелесть лёгкой грусти, которую юноша не мог найти в другом времени года, загадка, которую не хочется разгадывать.

«*Когда осенний ветер листья разметает*» – строчка родилась будто сама собой, будто сам ветер донёс её юноше.

– Точно! – радостно воскликнул Ричард и кинулся к тетради, чтобы тотчас записать её.

«И вихрем пламенным легко закружит нас»

– Фух! Я закончил, – Ричард откашлялся. – Ну слушай, – и он начал с выражением читать другу стихотворение.

Калёб действительно был далёк от поэзии, а сопливые стихи о любви тем более не вызвали в нём никакого трепета, но другу он сказал, что это прекрасные стихи, и его Шарлотта от такого просто растает.

«*Твоими бы устами*» – подумал про себя Ричард, и довольный растянулся на кровати, предвкушая скорый момент встречи.

* * *

Всеми днями Ричард занимался тем, что переписывал по памяти свои стихи в новую тетрадь, он занимался этим даже на работе, и попутно придумывал сюжет для своего романа. Его зацепила история Лео, и с того момента, как он ему её рассказал, она не шла у юноши из головы. Он понимал, что роман о гомосексуалистах ни под каким условием не пустят в печать, но он считал своим долгом рассказать эту историю. Правда тогда первоначальный смысл будет навсегда утерян, замени он Хьюго на какую-нибудь Лили или Синтию. Но зато, хотя бы в романе, он сможет дать своему другу счастливый конец. Он делал заметки в своей тетради, и решил полностью списать главного героя с Лео – его внешность, манеры, привычки, изменив ему только имя, но так как Ричард не знал, каков мужчина был тогда, в годы своей юности, при встрече он хотел расспросить его об этом, и надеялся, что тот не откажет ему. Но так же ему нужно было узнать как можно больше о Хьюго, а он боялся беречь старые раны Лео, к тому же молодой человек абсолютно не представлял, как может его друг отреагировать на его идею. Ричард верил в то, что он сможет написать этот роман, что это будет правильно, к тому же он знал, что сам Хьюго и его семья были бедными и жили примерно в таком же районе, как и сам Ричард, и он бы мог с лёгкостью перенести на бумагу быт и нравы Кин-Дин, их привычки, диалект, и с этим ему помогла бы Эмма. Для юноши Эмма могла бы стать ценным источником информации, и он решил первой ей рассказать свою задумку. Девушка внимательно выслушала его, и с удовольствием согласилась помогать ему. Она удивлялась, откуда он взял этот сюжет, на что Ричард только загадочно улыбался и пожимал плечами. Молодой человек, прежде чем писать для начала решил выстроить сюжет романа, поскольку в нём было очень много дыр. Калеб сказал, что если в романе не будет обаятельного фотографа в очках, то роман он читать не будет, поэтому Ричарду пришлось пообещать ему это. Билли с Джеки на ура встретили идею молодого человека о том, чтобы раскрыть в романе проблему расизма, и смешанных браков. С друзьями Ричарду, откровенно сказать, очень повезло, они верили в него и поддерживали, и благодаря этому, он почувствовал, что становится ближе к Сильвии, что возможно не сразу, через какое-то время, но он непременно добьётся успеха и будет соответствовать женщине, о которой грезил день и ночь.

Молодой человек желал больше всего на свете и одновременно ужасно боялся встречи с Сильвией. В четверг после работы Ричард бегом бежал домой, чтобы успеть переодеться, купить цветы и самое главное – не опоздать на предстоящее свидание. Он прикинул, что у него уйдёт на дорогу где-то около часа, заканчивает он работу в шесть часов вечера, от работы до дома полчаса ходьбы, а если бегом, то минут пятнадцать. Итак, на сборы у него было меньше часа, поэтому он впопыхах принялся гладить свою рубашку, потом, заметив небольшую складку, взялся её переглаживать. Он взял у Калеба одеколон и изрядно надушился. В букетной мастерской молодой человек взял милый букетик из хризантем и побежал на станцию Кондентли. Он заранее узнал маршрут, по которому ему предстояло попасть на леди Алэн. Сойдя на станции Пейнтворт, нужно было сесть на двадцать четвёртый троллейбус, который останавливался в полумиле от набережной. В троллейбусе было не продохнуть, стояла невыносимая жара, отчего Ричард покрылся испариной, а рубашка пропиталась потом. Ричард сверил время по часам, он успевал и надеялся на то, что ему удастся приехать пораньше. Взявшись за поручень, он встал около окна, чтобы ветер хоть немного обдувал его. Тут троллейбус резко затормозил, и какая-то тучная женщина навалилась на него всем телом, и юношу припечатало к окну, все цветы погнулись, и волнение молодого человека многократно возросло: *«Чёрт! Надо было брать кэб! Она мне чуть всё рёбра не сломала»*. Но кэб дорого стоил, а лишних денег у Ричарда не водилось.

Троллейбус остановился посреди дороги. Возмущённые пассажиры принялись ворчать, один мужчина начал ругаться с водителем, а юноша и вовсе начал проклинать так вроде бы хорошо начавшейся день. Оказалось, что штанги сошли с контактных проводов, и водитель полчаса приводил их в порядок. Когда троллейбус всё-таки доехал до нужной остановки, юноша вылетел оттуда и бегом припустился к набережной. «*Чёрт! Чёрт! Чёрт!* – чуть ли вслух не кричал Ричард. – *Ну почему со мной всегда так?*» В итоге он опоздал на встречу на четверть часа, букет превратился в веник, и сам Ричард растрёпанный, взмокший от бега, выглядел ничуть не лучше. Он думал, что Сильвия давно ушла, но тут заметил впереди её точечную фигуру, струящееся по её телу платье – она казалась Ричарду самой прекрасной женщиной, которую он когда-либо видел. Она не замечала его, стояла и смотрела на реку. Сильвия думала о своём диагнозе – стеноз митрального клапана второй степени¹. Доктор ей сказал, что первая стадия у неё протекала бессимптомно в течение многих лет, и причиной тому является недолеченная ангина или скарлатина. Ей назначили медикаментозную терапию – она не восстанавливала митральный клапан, а просто не давала патологии развиваться. Медикаменты снижали её либидо, и при всей её страстной натуре Сильвии практически не хотелось заниматься любовью. На третьей или четвертой стадии врач сказал, что потребуется операция по замене клапана на биопротез, созданный на основе свиного клапана. Шансы того, что Сильвия выживет, в процентном отношении были сорок на шестьдесят.

– Привет, – Сильвия вздрогнула, повернулась к юноше и вскинула бровь. В её взгляде промелькнуло недовольство, как будто Ричард отвлек её от важных мыслей, но тут же женщина улыбнулось доброжелательной улыбкой, что правда не коснулось её уставших глаз. – Прости, что я опоздал, просто... – начал оправдываться молодой человек.

– Дай угадаю, ты поведаешь мне невероятную историю о том, как опоздал на свидание к женщине своей мечты? – Сильвия кокетливо улыбнулась, и Ричард вконец растерялся. Он не привык, чтобы женщины флиртовали с ним, а сам уж тем более этого не умел, язык у парня не был подвешен, зато он удивительно чётко, красивым в своей простоте языком, мог выложить все свои мысли и чувства на бумаге.

– У троллейбуса слетели штанги с проводов, и... Я думал, что уже не застану тебя.

В глазах у Сильвии заплясали огоньки иронии. Женщина старалась не закатывать глаза на то, как этот молодой человек робеет перед ней, нервничает, закусывает нижнюю губу, и быстро взяла себя в руки. Она здесь затем, чтобы этот щенок пуще прежнего влюбился в неё, чтобы завладеть им и впоследствии расстроить их дружбу с Лео.

– Но всё же я здесь. Это мне? – Сильвия перевела взгляд на то, что осталось от букета, и Ричард покраснел ещё больше.

– Нет... – Ричард невольно спрятал букет за спину. – То есть да. Когда я его купил, он выглядел лучше. *«Нужно было выкинуть этот дурацкий букет»* – с досадой подумал про себя парень и потёр переносицу.

– Так ты мне подаришь его или оставишь себе? – немного раздражённым от неуверенности молодого человека тоном спросила Сильвия и подошла к нему вплотную. Он протянул ей этот злосчастный букет, при этом смотря куда угодно, только не на Эту Женщину. *«Она, наверное, жалеет, что вообще пришла сюда»*.

– Спасибо! Мне очень приятно.

Ричард судорожно думал, о чём завести разговор. Он чувствовал себя глупым юнцом рядом с шикарной женщиной, все его мысли затуманились, и плечи Ричарда, как обычно, стали дубовыми, мышцы словно окаменели.

---

¹ Стеноз митрального клапана (митральный стеноз) – это сужение площади левого атриовентрикулярного устья, приводящее к затруднению физиологического тока крови из левого предсердия в левый желудочек.

– Расслабься Ричи, – с улыбкой произнесла Сильвия, – я тебя не съем, – её глаза смеялись, и это завораживало юношу. – Покурим? – Сильвия достала из сумочки портсигар, бриаровый мундштук, а Ричард метнулся за зажигалкой.

– И как же тебя угораздило связаться с Лео? – спросила она с неподдельным любопытством. – Как я поняла, вы друзья?

– Да там такая история произошла... – меньше всего ему сейчас хотелось говорить о Лео, и о череде курьёзных случаев, которые привели к их дружбе. К тому же последние дни он только и делал, что вспоминал о нём, так как продумывал сюжет своего будущего романа, и сейчас хотел хоть немного передохнуть.

– Дай угадаю, мой муж хотел уложить тебя в постель, но ничего не вышло?

Она вопросительно посмотрела на юношу, ища подтверждение своей догадки, и когда увидела его опешившее, чуть ли ненапуганное лицо, довольно улыбнулась.

– П-п-примерно так и было, – от волнения Ричард начал заикаться. Ему огромных трудов стоило унять дрожь в голосе. – В первый раз мы подрались, во второй – я проснулся в вашем доме, а на третий...

– А на третий я вас застала с проститутками. Вернее, тебя с проституткой, а Лео с мальчиком по вызову, – закончила за Ричарда Сильвия. Ей доставляло удовольствие играть с ним, мучить его, заставляя чувствовать себя неловко, но нужно было остановиться – всему есть предел, и, казалось, у Ричарда он вот-вот наступит, и он просто в истерике сбежит.

– Сильвия я правда даже не помню, как это произошло, – только и мог выдавить из себя юноша. Он уже начал было думать, что женщина действительно позвала его, чтобы поглумиться над ним и над его чувствами, и мысленно уже упрекал себя за то, что надеялся, будто всё будет иначе.

– Всё в порядке Ричи, – мягко сказала Сильвия и как бы невзначай дотронулась до его руки, – мой муж кого хочешь споит. У нас с ним достаточно прохладные отношения... – На несколько секунд в глазах женщины застыл щемящий холод обиды, но она тут же пришла в себя. – Прогуляемся?

– Да, конечно... Лео знает, что у нас с тобой свидание?

Ричард не хотел встречаться с женой Лео за его спиной, он чувствовал бы себя предателем, даже не потому, что они муж и жена, а потому, что, как он понял, они самые настоящие враги. И он не горел желанием выслушивать и от Сильвии, и от Лео гадости друг о друге.

Сильвия усмехнулась.

– Знает. Он, конечно, был не в восторге, но не Лео решать, будем мы видеться или нет.

– Думаю, нам с ним предстоит долгий разговор, – Ричард не представлял, как говорить с Лео об этом, он не хотел, чтоб их дружба разрушилась, но и от Сильвии он уж точно не хотел отказываться.

– Он на несколько дней уехал навестить свою крестницу в Киммерик. Думаю, первым делом по приезде в Эн-Си он захочет с тобой встретиться. Но хватит о нём. Я бы хотела побольше узнать о тебе, – Сильвия выглядела заинтересованной, и, прогуливаясь по набережной, где уличные музыканты, исполняли песни известных исполнителей, где влюблённые пары ютились на скамейках и кормили хлебом спящих вокруг голубей, где негромкий шум воды помогал расслабиться и окунуться в чарующую атмосферу вечера, Ричард рассказал ей о своей семье, о том, как приехал в Эн-Си, обзавёлся друзьями и устроился на работу. Она делала вид, что внимательно его слушает, и даже кивала, когда нужно и вставляла вполне подходящие реплики, но мысли её были далеко. Сильвия не понимала, зачем тут находится и тратит своё драгоценное время, но затем вспоминала, она здесь, чтобы насолить своему мужу, а, возможно, не только ему. Когда молодой человек рассказал о том, что сочиняет стихи, немедленно попросила почитать их.

– Я писал тебе стихотворение с того момента, как только впервые увидел.

– Ты посвятил мне стихотворение? – теперь настал черёд Сильвии растеряться. Она и впрямь была приятно удивлена. – Я с удовольствием послушаю.

На улице потемнело, зажглись фонари, воздух окрасился терпкими ароматами листвы, а молодой человек, взявши трепетно за руки свою спутницу, читал ей стихи. Он видел, как она стояла, поражённая, ловила каждое его слово и это вселяло в него уверенность, он чувствовал, как по телу растекается приятное тепло, с каждой произнесённой им строчкой, и это пьянило – видеть, как женщина, для которой ты готов выставить свою любовь, с таким восторгом на тебя смотрит. Сама же Сильвия посчитала стихи посредственными, но ей было необходимо, как можно лучше сыграть свою роль, и, конечно, эта роль, требовала от неё немалых усилий, правда, она не могла отрицать того факта, что ей, несомненно, льстил такой жест молодого человека. Вот Ричард смолк, он ждал, что скажет Сильвия, но она молчала, в ней происходила борьба, прямо сейчас в эту минуту, ей чуть ли не сделалось дурно из-за того, какие планы были у неё на этого юношу.

– Сильвия, с тобой всё в порядке? – Ричард разволновался не на шутку, краска отлила от лица женщины, она выглядела несчастной, часто дышала.

– Да-да, всё в порядке. Это прекрасное стихотворение! Просто мне никогда раньше не посвящали стихи. Я очень тронута, – она не выпустила своих рук из его: *«Всё идёт прекрасно! Неужели ты даже не догадаешься обнять меня?»*

Но молодой человек стоял как вкопанный, он не решался проявить ещё большую смелость и притянуть свою спутницу к себе, что, как бы этого не старалась отрицать женщина, расстроило её. Шёл уже одиннадцатый час, и Сильвия удивилась тому, что она потратила даже больше времени на Ричарда, чем планировала. Несмотря на то что молодой человек раздражал её своей неловкостью, своими невинными мечтами, робостью, ей нравилось его смущать, и в общем-то, она готова была терпеть его общество какое-то время.

– Что ж, – сказала Сильвия, так и не дождавшись проявления каких-то жестов со стороны молодого человека, – мой водитель ждёт меня. Проводишь меня до машины?

Красный кадиллак стоял за поворотом. Взяв Ричарда под руку, женщина прошла к своему автомобилю, и водитель поспешил открыть перед ней дверь.

– Мы ещё увидимся? – с надеждой в голосе спросил юноша.

– Хммм... – спутница приняла задумчивое выражение лица, затем хитро улыбнулась, достала из сумочки блокнот, ручку, написала в нём что-то, оторвала листок и протянула Ричарду.

– Позвони завтра по этому номеру.

Она придвинулась к нему ближе так, что их лица почти соприкасались, она чувствовала учащённое дыхание Ричарда и могла поспорить, что его пульс превысил сто двадцать ударов в минуту. Сильвия поцеловала его в щеку, оставив красный след от помады.

– До встречи, Рик.

Юноша тут же дотронулся до лица, на котором несколько мгновений назад были губы Этой Женщины. Ошеломлённый, он не смог даже сказать ей в ответ «до встречи». Ричард провожал её взглядом, смотрел, как она садилась в машину, как водитель закрыл за ней дверь, как Сильвия улыбнулась ему на прощание, махнула рукой, и машина понесла её прочь от юноши, прямоком в край небоскрёбов и роскошных особняков, где этой ночью в своей спальне женщина долго не могла заснуть. Она пыталась вспомнить строчки из стихотворения, и лёжа в постели, курила, размышляя о молодом человеке.

Глава 3

Зима 1961

Пока Тео лежал неделю с температурой, Оливер, Ник и Габби каждый день по несколько раз навещали его, безуспешно пытаясь приободрить, но вывести его из депрессии, казалось, невозможно. Он чувствовал себя пустым без Джейн, всё нежное в нём укатило в Сест, и ласковый трепет встреч, и поцелуи, сбивавшие с ног, и те нечастые моменты любви, которые они дарили друг другу наедине. Тео помнил всё до мелочей, её добрый прищуренный взгляд, россыпь веснушек, которые словно танцевали на её живом лице, когда девочка смеялась, а хохотать Джейн могла хоть двадцать минут кряду да так, что невозможно было стоять рядом и тоже не начать заливаться смехом. Он помнил каждый изгиб её тела, жар, исходящий от него, то, как он любил зарываться лицом в её волосы. Тео вдыхал тогда всё это полной грудью, Джейн и была его дыханием. Он поклялся, что найдёт её. *«Будет ли она ждать меня? Или всё пройдёт, угаснет, и ничего не останется от нас?»* – часто думал Тео, ворочаясь в кровати, и сам же отвечал на свои вопросы. – *Нет. Так не будет, этого просто не может произойти*. Он часто повторял её имя просто так, мысленно вёл с ней разговор. Джейн лишила его покоя, сна и отдыха. Тео представлял по ночам, как они встретятся, как он приедет в Сест, в Кеминти на Леманстрит, постучится в их дверь, и на пороге будет стоять его Джейн. Он скажет, что-то типа: *«Я обещал, что найду тебя»*, а она, наверное, заплачет, и сквозь слёзы ответит: *«Я ждала тебя всё это время»*. Тео заключит её в объятия, и больше они никогда не расстанутся. С друзьями он старался не говорить о Джейн, ни в коем случае он не хотел, чтобы его жалели, и все подобные попытки пресекал.

Оливер с Ником вдвоём ишачили в котельной и чуть ли не падали от усталости, копоты, и удушающей жары. Но вскоре стало полегче – Лейк отобрал ещё одного парня, Макса. Раньше, до переворота он был шестёркой Тома и нередко вместе с другими гонял ребят послабее, в том числе и Ника с Оливером, поэтому между ними сразу встала стена презрения. Разговаривали они с ним только один раз, и то потому, что мистер Лейк попросил объяснить новичку, что тут к чему, но всё остальное время работали молча.

Как-то вечером ребята, как обычно, наполняли тележку углём и кидали его в топку. Мистер Лейк, немного побыв с ними, решил, что они прекрасно справляются и без него, и ушёл из этого пекла наверх к своему другу собутыльнику Стену. Мальчишки работали, как обычно, пока еле заметный дым не пошёл из котла. Друзья не придали этому особого значения, а потому продолжили работу, но вот, дым повалил с угрожающей силой, и тут-то все трое испугались, дышать стало невозможно, лёгкие будто выворачивало наизнанку, глаза застилал едкий густой туман. Друзья кинулись к двери, но она оказалась заперта, видимо, мистер Лейк по инерции закрыл её на ключ. Они принялись барабанить в дверь, но всё без толку, кто их здесь услышит? Мальчишки закашлялись, Оливер боялся, что сейчас вот-вот у него случится приступ, и он умрёт тут. *«Должен же быть ещё какой-то выход отсюда!»* – судорожно принялся соображать мальчик и вспомнил о лазе в дальней стене, который находился примерно в пяти ярдах от них. Действовать нужно было немедленно, пока они не потеряли сознание и не задохнулись здесь.

– Мы можем пролезть в лаз в стене, и попасть в коридор, – кашляя, проговорил Оливер и взял Ника за руку.

– Но я ничего не вижу! – глаза Ника щипало, по щекам катились слёзы, самые неутешительные мысли друг за другом проносились в его голове.

– Придётся наугад.

Мальчишки пошли вперёд и вдруг услышали позади себя отборную ругань и грохот. Макс споткнулся о тележку с углём, упал и перевернул её на себя так, что его всего засыпало.

– Чёрт! – выругался Оливер. – Мы не можем его бросить.

– Макс! Макс! – закричали друзья, и мальчик стоном отозвался. Ник с Оливером пошли на звук и принялись откапывать Макса из-под завала.

Они искали его, казалось, целую вечность, отбрасывали весь хлам, который скрывал его от чужих глаз, затем взяли его под руки и повели к лазу. Из последних сил они пролезли внутрь и очутились в прохладном коридоре, где могли разомкнуть глаза и как следует отдышаться. Они не особо представляли, в какой части подвала находятся и как им в этой крошечной тьме выбираться отсюда.

– Все живы? – раздался дрожащий голос Ника.

– Угу, – только и удалось промычать Оливеру, он не мог говорить, из его горла вырывались сильные хрипы, казалось, что ещё чуть-чуть и он потеряет сознание.

– Спасибо, – успел сказать Макс прежде, чем его вывернуло.

– И что нам теперь делать? – чуть не плача спросил Ник. Мальчик так перепугался, что не верил, в их спасение, паника никуда не делась, и он еле стоял на ногах, руки трусились, а глаза от дыма всё ещё жгло. – Ждать, когда придёт Лейк?

– Нет. Надо выбираться отсюда, – сказал Оливер. – Мы должны предупредить о том, что случилось, я боюсь, что может начаться пожар.

Ник согласно кивнул, его и самого посетила мысль о том, что здесь всё может сгореть подчистую.

– Но как мы в этой темноте куда-нибудь выйдем?

– У меня есть фонарик, – подал голос Макс, принялся рыться в карманах и извлёк старый прямоугольный фонарик под плоскую батарею, который помещался у него в кармане.

– Откуда он у тебя? – Оливер и Ник даже не пытались скрыть своё удивление. Такой фонарь был только у мистера Лейка, остальные же пользовались свечками или керосиновыми лампами.

– Стажил у Лейка на спор, правда, к нему нужно было прихватить ещё запасные батарейки. Об этом я тогда не подумал.

– Включай! – в явном возбуждении отозвался Оливер. Он не знал в какую сторону идти, и смогут ли они найти выход по этим подвальным катакомбам.

Макс включил фонарик. В тусклом свете стайки крыс боязливо пробежали мимо, сырость и затхлость били в нос, невыносимо хотелось пить, но мальчишки, казалось, старались не замечать этого. Сзади них была стена, впереди длинный коридор, ведущий в неизвестность. Действовать нужно было быстро.

– Отлично! Пойдёмте, мы не должны терять время.

Мальчишки кивнули и, бессознательно выбрав Оливера в проводники, зашагали настолько быстро, насколько это было возможно.

– Все запоминайте дорогу, чтобы в случае чего мы могли вернуться.

Хорошо, что в коридоре не было почти никаких ответвлений, кроме одного. Пройдя несколько футов, перед ними возникла развилка, и мальчишки в растерянности замерли.

– Куда теперь? – и Ник, и Макс глядели на Оливера, ожидая его решения, но мальчик молчал, возможно, он хотел сконцентрироваться, почувствовать верный путь, но Ник решил предложить свой вариант решения задачи, а именно отдаться воле случая.

– Давайте по считалке выберем.

Макс и Оливер критически посмотрели на него, но Нику было всё равно, ему казалось, что от считалки зависла их судьба, и он принялся выговаривать первую, которая пришла ему в голову, по очереди указывая пальцем то на один, то на другой проход.

*Один, два – завяжи оба башмака,
Три, четыре – запри двери в квартире.*

*Пять, шесть – монстр может всех вас съесть,
Семь, восемь – не плевать на пол просим.
Девять, десять – раздался злобный скрежет,
Одиннадцать, двенадцать – черви мертвечиной наедятся.
Тринадцать, четырнадцать – считают отличницы,
Пятнадцать, шестнадцать – им пора убираться.
Семнадцать, восемнадцать – ждать и не дожидаться.
Девятнадцать, двадцать – с меня довольно, братцы!*

Ник указал на правый проход, и ребята уже сгорая от нетерпения облегчённо выдохнули.
– С меня уже тоже, – пробубнил под нос Макс и, как ни странно, Оливер разделял его чувства.

Всё же мальчишки решили свернуть вправо, пройдя не больше десяти футов, они кожей ощутили мороз.

– Вы чувствуете? – обратился Макс ко всем.

– Стало холоднее. Может выход уже близко?

Мальчишки двинулись навстречу спасительному холоду. Они прошли дальше вглубь по извилистому коридору, казалось, что ему не будет конца, холод только усиливался, внушая смутную надежду на скорое освобождение. И вскоре дети уже видели нечёткие очертания лестницы, ведущей наверх.

– Что там за люк? – ребята подняли головы вверх и посветили на него фонариком.

– Он деревянный, – задумчиво произнёс Ник, – и в нём есть дыры.

– Тогда давайте я залезу, попробую поднять крышку, – Макс почесал голову и отдал Оливеру фонарик, – а ты мне посветишь, – Макс из всех троих выглядел самым крепким, к тому же он подумал, что люк, скорее всего, давно прогнил, снега на улице намело немного, поэтому открыть крышку не составит большого труда.

Мальчишки вскарабкались по лестнице. Крышка прогнила и выглядела очень хлипкой. Но только на первый взгляд. Макс попытался сдвинуть её, он чертыхался, на лицо ему летел снег.

– Ну что там? – крикнул снизу Ник.

– Крышка не поддаётся, она примёрзла, – отозвался Макс, и сгоряча ударил по ней кулаком.

Он заметил, что древесина была мягкой и податливой, тогда мальчик начал бить, по гниющему дереву, разбивая в кровь костяшки, рядом с тем местом, где была самая большая щель. И у него получилось. Обломки вместе со снегом посыпались ему на голову, и тот упал бы, если бы не Оливер, который удержал его на месте. Макс принялся разносить крышку дальше, и вскоре подвальный коридор уже озарился лунным светом.

– Ты сделал это! – восторженно крикнул Оливер, и если бы они сейчас не были на лестнице, он бы, наверное, заключил Макса в объятия.

Макс был горд собой, и ему очень польстил возглас Оливера. «Должен же я был хоть что-то сделать за моё спасение». Ребята по очереди вылезли наружу и огляделись – они были в лесу на жутком холоде, пробиравшем до костей, они умирали от жажды и первым делом принялись есть снег, совсем не боясь того, что у них, к примеру, могут воспалиться гланды, которые пришлось бы удалять. Когда они наелись вдоволь, то в недоумении уставились друг на друга, не представляя, что им делать дальше.

– И где мы теперь? – Ник невольно поёжился, они находились зимой в тёмном лесу, заплутать здесь было раз плюнуть, а где-то вдалеке к тому же были волки.

Оливера так и подмывало ответить: «На свободе, твою мать!» – кровь внутри бурлила, победный торжественный возглас так и рвался наружу. Оливер многозначительно посмотрел

на Ника и, улыбнувшись, толкнул его локтем – он явно не разделял пессимистическое настроение друга. Мальчишка непонимающе на него посмотрел: *«ну и чему, спрашивается, тут радоваться? Мы чёрт знает где, можем замёрзнуть и слечь с температурой, в котельной может разгореться пожар, а мистер Лейк ушёл и неизвестно, когда заглянет, чтобы проверить их».*

– Мы где-то в окрестностях приюта. А вон и приют, – недалеко за деревьями виднелось тёмное злое в свете луны, покосившиеся здание со шпилем в виде креста.

– Что нам делать? – мысли Ника путались, то ли по той же дороге возвращаться обратно, то ли пойти к приюту и попробовать перелезть через стену.

– Думаю мы легко сможем перекинуться через стену... – начал было Макс, но Оливер прервал его.

– Нет, мы вернёмся той же дорогой, – тоном, не требующим никаких возражений, заявил Оливер.

– Шутишь? Да мы такой путь проделали и для чего? Чтоб вернуться обратно? – взорвался Макс. Мальчик с таким упорством выбивал им проход наружу, что ушам своим не поверил, когда услышал слова Оливера.

– Если мы пойдём через главный ход, то засыпимся. Никто не должен узнать про этот путь, особенно старшие.

Макс вопросительно глянул на него, он, кажется, начал понимать, из-за чего Оливер хотел сохранить в тайне проход.

– Ты как-то использовать этот путь?

Мальчишки смерили друг друга неприязненными взглядами, хотя Макс скорее изучал Оливера. Раньше, когда был старый режим, Оливер противился порядкам командиров и их приспешников, за что здорово огребал вместе с Ником, но если, они попадались Макс, тот старался бить их вполсилы, потому что мальчишки вызывали у него уважение, в чём бы он никогда ни признался.

– Не твоё собачье дело! – грубо отозвался Оливер, затем громко выдохнул и заговорил более спокойным тоном. – Обещай Макс, что никто не узнает.

– Если мы вернёмся обратно через лаз в котельной, то Лейк всё равно про него узнает.

– Да, но есть шанс, что он не станет исследовать эти катакомбы, а оставит как есть. К тому же он и не пролезет туда, лаз ведь небольшой. – Оливер выжидательно смотрел на Макса, он не знал, что ответит на это мальчик, может, он сдаст их? *«Должна же быть какая-то благодарность за его спасение в конце концов».*

– Хорошо, будем квиты, – ответил наконец Макс. – Вы спасли мою шкуру, и за это я ничего не скажу, – про себя же Макс всё задавался вопросом: *«зачем они хотят сбежать? Да и куда? Лучшие ведь остаться здесь – если подумать тут ни так и плохо, и тем более скоро половину воспитанников отправят в семьи».* Из размышлений его вывел Оливер.

– Тогда давай спускаться.

И мальчишки вновь погрузились в мрачные коридоры подземелья.

Раньше это был бывший женский монастырь, и в войну, когда солдаты переходили из Тарента в Лимен, монашки именно этим ходом спасались от врагов. Монастырь был разграблен, всё святыни вывезены, и после войны здание какое-то время пустовало. Потом кто-то решил, что это будет подходящим местом для брошенных детей, и оно стало приютом святой Магдалины. Ход этот замуровали, чтобы дети не смогли бежать, но видимо, первые воспитанники не были с этим согласны и проложили небольшой лаз. Лишь немногим предшественникам, знавшим про ход, удавалось сбежать из приюта по-тихому, не привлекая внимания. И обычно сбежали как раз те, кто работал в котельной. Информация об этом ходе никому не передавалось, всё держалось в строжайшем секрете, чтоб никто не проговорился. Ни Киллиган, ни Лейк, ни Стен, абсолютно никто из взрослых не знал об этом. Некоторые, кто знал, делились только с проверенными людьми с теми, кому доверяли, болтать об этом запрещалось и кара-

лось смертью. Предшественники ушли, некоторые сбежали, некоторых увезли в рабство, и они не смогли передать своё сокровенное знание, а Оливер с Ником случайно нашли этот лаз. Он был сокрыт от чужих глаз старыми испорченными тачками, вёдрами, лопатами и другим уже вышедшим из строя хламом, который вот уже лет десять никто не разбирал. Однажды, когда Ник шёл с тачкой мимо этого хламовника, он навернулся и разрушил творение, которое годы маскировало, сокрытый от посторонних глаз лаз. К счастью, тогда не было Лейка, и мальчишки пролезли туда. Правда, у них с собой не было ни единого источника света, чтобы оглядеться, куда они попали. Поэтому они вылезли обратно и расставили старую рухлядь так, как она и стояла до этого. Про этот ход они рассказали Генри и условились пролезть туда всем вместе, предварительно взяв с собой керосинку.

Прошёл где-то час с тех пор, как мальчишки покинули котельную и, подходя к лазу, ребята уже издали слышали отборный мат мистера Лейка, который открыл настежь двери котельной, и побежал открывать остальные двери в подвале в том числе и ту, что вела на первый этаж, чтоб проветрить помещение. Видимо, он за разговором со Стеном совсем забыл о мальчишках и пришёл совсем недавно. Мальчишки тихонько вылезли из укрытия в то время, пока мистер Лейк открывал всевозможные двери. Густой дым всё ещё был в котельной, и снова закашляв, они принялись маскировать лаз.

– Вот вы где, недоумки! – мистер Лейк остановил работу котельной, погасил огонь в топке с помощью мешков с песком. Он начал поносить мальчишек на чём свет стоит, скорее не из-за того, что обвинял их в чём-то, а из-за того, что мужчина испугался, что по его вине трое воспитанников могли просто задохнуться здесь. На первом этаже запахло дымом, и Уэнди, Стен, доктор Стэнфорд, Киллиган, учуяв его сразу прибежали в котельную. Переживала больше других Уэнди, она бегом спустилась по лестнице вниз, в панике, готовясь к худшему, но увидев мальчишек живыми облегчённо вздохнула и тут же поспешила вывести их на воздух.

Началась неразбериха. Уэнди обвиняла мистера Лейка в халатности, Лейк говорил, что отошёл всего на пять минут, мальчишки начали оправдываться и говорить, что они хотели позвать на помощь, но дверь оказалась заперта. Оливер для пущего эффекта специально чуть ли не плача заговорил:

– Мы колотили в дверь, потом поняли, что это бесполезно, комната наполнялась дымом, и мы дышали сквозь ткань одежды. Дым начал валить пятнадцать, может, двадцать минут назад. Я уже начал терять сознание, как в котельную пришёл мистер Лейк.

Оливер воспользовался тем, что никто не знал, когда именно начал валить дым, и если предположить, что это случилось относительно недавно, то всё складывалось.

Ник в подтверждение закивал головой.

– Мы думали, что умрём тут.

Оливер видел, что Уэнди напугана, но он не мог рассказать про их «дорогу жизни», как он окрестил путь, который они проделали. По крайней мере, не сейчас.

В итоге всех троих Уэнди и доктор Стэнфорд отвели в мед. кабинет. Уэнди долго обнимала детей и плакала, и Ник с Оливером как могли утешали её.

Тео, увидев друзей в таком виде, вскочил с кровати, и тут же начал расспрашивать, что у них случилось. Мальчишки ещё раз принялись рассказывать свою историю, а Оливер на протяжении всего рассказа столько раз подмигнул Генри, что тот понял – это далеко не вся история, и завтра он услышит то, что было на самом деле.

Как оказалось, обратная тяга пошла из-за того, что в трубу набился снег, он не давал дыму выходить и пошёл обратно через топку. Мистер Киллиган, как следует обматерив мистера Лейка, заставил его и Стена немедленно подняться на крышу и прочистить трубу, и ему было абсолютно наплевать, как они это сделают в темноте, да ещё при скользкой крыше. Именно из-за этого раньше мистер Лейк посылал прочищать трубу детей, что нередко заканчивалось несчастными случаями.

После этого инцидента мистер Лейк, к великому сожалению детей, больше не оставлял их одних в котельной, и они так и не смогли показать Генри тоннель.

* * *

На следующий день Ник и Оливер рассказали Генри и Нэнси, как всё было на самом деле, про то, что они нашли настоящую «дорогу жизни». Мальчишки испытывали настоящий восторг и говорили, что весной они беспрепятственно смогут сбежать, а заодно и увести Уэнди отсюда. Оливер был в полнейшем экстазе от того, как им повезло. Габби с Тео порадовались, конечно, но такого восторга, как Оливер или Ник они не испытывали потому, что знали – их заберёт Тайлер, и после того как брат с сестрой остались вдвоём, они обсуждали своё будущее. Что Габби, что Тео ни в коем разе не хотели разлучаться с мальчишками, с них хватило и того, что они потеряли Джейн, и брат с сестрой решили двадцатого января, как только приедет Тайлер просить у него о том, чтобы Оливера с Ником мужчина тоже забрал.

– А как же Уэнди? – воскликнула Габби. – Мы не можем бросить её здесь одну.

– Думаю, Тайлер не будет против Уэнди, – улыбнулся Тео.

– Почему?

– Потому что она взрослая, и когда он уйдёт от нас, то Уэнди сможет о тебе позаботиться, она же женщина, – пустился в рассуждения мальчик. – Я, Оливер и Ник пойдём работать, а Уэнди сможет устроиться медсестрой в какой-нибудь госпиталь.

– Это бы было чудесно, – мечтательно произнесла Габби, а про себя подумала, что намного лучше бы было, если бы и Тайлер остался с ними, но вслух этого не сказала. – Я боюсь, что он не согласится.

– Мы будем капать ему на мозг всякий раз, когда он будет приезжать, рано или поздно он сдастся. – Тео издал злобный смешок и потёр руки, представляя, как он снова будет терроризировать мужчину, и хитро посмотрел на сестру, которая уже еле сдерживала смех.

Тео знал, что уговорить Тайлера на такое будет ой как непросто, в этом он даже больше надеялся на Габби, ведь мужчина явно испытывал к ней слабость, и это будет им на руку.

Тео шёл на поправку, и как только он покинул медицинский кабинет, Сэм пристроил его обратно в котельную, а Макса, к его радости, освободили от этой грязной работы.

Всё было по-прежнему, только без Джейн. Дети были заняты своими проблемами и переживаниями – Тео тихо горевал по своей любимой, Габби думала о Тайлере, как его уломать на то, чтобы он взял из приюта с собой ещё двух детей и Уэнди, Оливер с Ником грезил побегом и уже начали продумывать план, хоть до его осуществления было ещё далеко. И никто из них даже не вспоминал о трёх бывших командирах. И зря. Они-то про них помнили, более того, после того как забрали Джейн, их план по уничтожению Генри, Нэнси, Оливера и Ника был окончательно продуман, они видели, что сейчас ребята наиболее уязвимы, а значит, нужно действовать. Единственное, что было надо, так это дождаться выздоровления Генри.

Том, Донован и Шкаф первым делом решили начать с Нэнси. Девочка оказывалась лёгкой мишенью, с уходом Джейн она осталась совсем одна, больше подруг у неё не было, и, естественно, она чувствовала себя одинокой среди других воспитанниц. Обычно, когда все шли гулять после уроков, Нэнси ждала, пока ребята приведут себя в порядок после котельной, и только тогда выходила на улицу. Гулять одной, Тео ей строго запрещал. Но тут одна девочка, её звали Мейв, позвала Габби с собой. Она так обрадовалась, что с ней кто-то заговорил, да и выглядела Мейв дружелюбно, и девочка пошла с ней. Мейв завела её на Пятачок. Там девочек и поджидали Том, Донован и Шкаф – они схватили Нэнси, а когда та принялась истошно вопить, Том влепил ей звонкую пощёчину, и пригрозил, что, если она будет орать, он исполосует ей лицо ножом.

– Ты всё знала! – выкрикнула Габби и пронзительно посмотрела на девочку. – Зачем ты сделала это? За что? – Мейв стояла, выпучив глаза, и отрицательно покачала головой. Она действительно не знала, чем это обернётся. Крис и Роза попросили её отвести Нэнси на Пятачок, а на вопрос «зачем?» ей сказали «так надо» и в качестве награды Роза подарила ей свою заколку.

– А ты пошла отсюда. Если вякнешь кому-то об этом – пеняй на себя, – шуганул Донован девочку, и та убежала.

– Я пошёл! – хрустнул пальцами Том и зловеще улыбнулся, предвкушая скорую месть.

– Что вы задумали? Что вы собираетесь сделать? – Нэнси была в отчаянии, она из последних сил старалась не плакать и не показывать того, что она их боится.

– Мы хотим устроить шоу, и твой брат будет в нём главный героем.

– Что это значит? – из этого она поняла только, что Тео хотят навредить, причём каким-то изощрённым способом.

– Заткнись! – прикрикнул на неё Донован. – Слишком много вопросов. Скоро сама всё увидишь.

У Габби подступил ком к горлу, ей было страшно и за себя, и за брата, и за друзей. *«Зачем я только вышла? То, что сейчас случится, случится только из-за меня. Я поверила Мейв, а теперь...»*. На улице не было никого из воспитателей, миссис Дженкинсон плохо переносила холод, её кости ломило, она подхватила лёгкую простуду и теперь не показывала и носа на улицу. Сэму тоже мало радости доставляло морозиться, поэтому он вывел детей на прогулку и пошёл в домик к мистеру Лейку «пить чай».

Пятачок не обозревался из окон, это был эдакий островок невидимости детей от посторонних глаз. Габби мысленно поносила всю троицу, но вслух не могла ничего сказать, хоть и очень этого хотела. Ей было жутко, сердце гулко стучало в груди, она не знала, чего ей ожидать от этих ублюдков, что они сделают с её братом. Нэнси пугала неизвестность.

А Том тем временем бодро шагал на третий этаж, наперёд прокручивая в голове все те упоительные моменты, которые непременно вот-вот произойдут. Он застал мальчишек в коридоре.

– Кого я вижу. Что такой хмурый Генри? По Хреногрызке соскучился?

Он хотел вывести Генри из себя, и знал, как это сделать наилучшим образом, на что нужно надавить.

– Заткнись урод! – ошетинился Тео. – Не смей даже...

– Ты ведь трахал её, да? Думаешь, ты был у неё первым? – Том смотрел своему противнику в глаза и улыбался, отчего становился ещё более безобразным, он хотел, чтобы каждое слово, было как забитый гвоздь в сердце мальчишки.

Тео так и застыл, смотря на Тома во все глаза, не в силах вымолвить ни слова.

– Я помню, как она кричала и извивалась подо мной, – фыркнул парень.

Этого было более чем достаточно. Том ожидал именно такой реакции, лицо Тео исказилось от накатившей ярости, он кинулся к Тому, а тот побежал вниз.

– Стой, мразь! Я оставил тебя в живых тогда, но видит бог, сейчас я убью тебя!

Том бежал впереди и смеялся истерическим ненормальным смехом человека, по которому давно плачет психиатрическая лечебница. Ник и Оливер побежали следом.

– Стой Генри! – крикнул Оливер, у него возникла мысль, что всё это ловушка, но Тео абсолютно ничего не слышал – единственным его желанием сейчас было выбить этому ублюдку все зубы, и пусть его за это как угодно накажут, но он сделает это. Поэтому друзьям ничего не оставалось, как следовать дальше за Генри и Томом. Он привёл их на Пятачок. Том встал рядом со Шкафом и Донованом, и все трое победно улыбнулись. Увидев Нэнси, друзья встали в ступоре, по телу Тео пробежали тысячи мелких мурашек, он испугался, действительно испугался потому, что обещал сестре, что её больше не тронут, что ей ничего не грозит, и вот она оказалось у них. Мальчик еле сдержал истошный вопль, рвавшийся наружу.

– Генри! – Габби жалобно крикнула и дёрнулась было к брату, но Шкаф только сильнее заломил руки девочки за спиной так, что она вскрикнула и больше не предпринимала попыток вырваться из тисков.

– Сейчас же отпустили мою сестру, – Тео по очереди посмотрел в глаза каждому из трёх ублюдков, по его лицу заходили желваки, казалось, ещё секунда и он кинется на них.

Вокруг начали собираться воспитанники, они видели, как Тео, Оливер и Ник бежали за Томом и хотели посмотреть, что же будет дальше.

– Ты не в том положении Чудила, чтобы что-то требовать, – осклабился Донован и сложил руки у груди.

Глаза у Тео налились кровью, он было двинулся на ублюдков, но Том приставил к горлу девочки нож. Глаза Габби округлились, она прерывисто задышала. Тео почти кожей ощущал её страх, как и то с каким упоением парень играет жизнью его сестрёнки.

– Не бойся птенчик, – зашипел Том в самое ухо девочки, – если твой братец будет послушным, мы тебя не тронем.

Оливер видел, в каком они отчаянном положении, и что друг может с лёгкостью наговорить лишнего, что никак не облегчит их участь.

– Чего вы хотите? – подал голос мальчик и сжал руку Генри, как бы тем самым призывая его к спокойствию.

– А вот это другой разговор, – деловито произнёс Донован, словно речь шла о дипломатической сделке, где две стороны пытались прийти к соглашению.

– Он спрашивает, чего мы хотим! – фыркнул Том.

– Не догадываешься, педик? – Шкаф липко в упор посмотрел на Оливера, и от его взгляда, от его слов, да и от самого вида этого переростка с маленькой черепной коробкой, в которой, казалась, все извилины были заплетены, мальчишке захотелось помыться ещё раз.

– Сейчас будет шоу! – громко объявил Донован и хлопнул в ладоши. План мести, который они хотели осуществить, явно принадлежал ему, и он как сценарист и режиссёр испытывал крайнее возбуждение от происходящего.

– Чёрт, сука, ты можешь сказать, что вам нужно? – всё-таки вышел из терпения Генри, и выдернул свою руку и из руки друга. – Вы хотите драться? Ну так я готов. Кто первый?

Командиры рассмеялась, уже достаточно знатная толпа окружала мальчишек плотным полукругом, бандерлоги молчали в ожидании феерии и смотрели на разворачивающиеся события, как на киноленту.

– В том то и дело, что с нами вы драться не будите. Вы будете драться друг с другом! – громко сказал Том, чтобы все расслышали его слова. По толпе прокатился гулкий шёпот, вполголоса все начали переговариваться и смыкать свои ряды ещё плотнее.

У Ника отвисла челюсть, теперь он был на все сто процентов уверен, что бывшие командиры свихнулись окончательно и бесповоротно. Оливер часто задышал, нащупал в кармане ингалятор и прыснул себе в горло раствор, а Тео, весь побагровел от злости. Габби вся побледнела.

– Что? Вы чего городите? – еле выговорил Тео.

– Деритесь! Тогда твоя милая сестрёнка, – Том тупой стороной лезвия ножа по шее Габби, – не пострадает.

Это немного привело мальчишку в чувство.

Друзья стояли в каком-то оцепенении, переглядываясь друг с другом и не представляя, как им дальше быть.

– Может, это тебя подогреет, Генри? – холодное лезвие прижались к шее Габби.

– Нет! – всхлипнула девочка и попыталась вырваться из хватки Тома. – Отпусти меня!

– Не трогай её! – взревел Тео и уже было кинулся вперёд, но его со всей силы потянул обратно Оливер.

– Не дёргайся сучка, – воскликнул бывший командир и провёл лезвием по шее Габби, оставляя тонкую красную полосу. Она чувствовала, как тёплая струйка крови медленно течёт по её шее, пробираясь под одежду. Девочку затошнило, это всё казалось ей какой-то ужасной постановкой в театре, где ей досталось роль жертвы, которую можно кромсать другим на потеху.

– Ублюдок! – Тео оттолкнул Оливера, но не успел сделать и двух шагов, как Том, снова приставил нож к горлу Габби.

– Если ты приблизишься ещё на шаг, я воткну ей нож в горло по самую рукоять, – проскрежетал парень. – Ты же не хочешь этого?

– Ты псих, ты спятил! – крикнул Ник, который уже вышел из оцепенения и не мог молчать. Молчание ему всегда давалось с большим трудом.

– Может быть, – осклабился Том. А затем он обратился уже ко всем: – Если кто-то попытается настучать про это старшим – тому придётся очень несладко.

Но дети и без всяких угроз не собирались стучать. Для них подобное было в порядке вещей. Око за око, зуб за зуб. Они уже давно ждали чего-то подобного. После того как Генри изуродовал Тома, и вместе с друзьями отправил двоих командиров в госпиталь, воспитанникам казалось естественным явлением подобного рода действие. Когда командиры бездействовали, многие говорили, что они сдались и посмеивались над ними, более проницательные считали, что они выжидают. Воспитанникам было крайне интересно, посмотреть драку, что за этим последует и смогут ли выкрутиться из этой передраги Оливер, Ник и Генри. Помогать им никто не собирался, так как никто не решался лезть в их войну. Они считали, что война была только между ними, двумя полярными «шайками», как они называли тех, кто с Генри, и тех, кто с Томом. «Пусть сами разбираются», – думали ребята. Терять своих людей из-за пары психов, которые между собой чего-то не поделили, никто не хотел – в этом предводители всех групп были друг с другом солидарны.

– Приступайте, – приказал Том.

Делать было нечего, Тео знал, что они непустят Габби, он готов был сделать всё, чтобы её защитить. И если нужно будет драться с друзьями, он будет драться.

Генри повернулся в сторону друзей.

– Прости, – произнёс мальчик одними губами, подлетел к Оливеру и сшиб мальчика ударом в грудь.

– Давай поднимайся! – Тео стоял над другом, его жёсткий взгляд буравил Оливера, и мальчишка понял, что бойни между лучшими друзьями им не избежать.

– Нет, Генри! – Ник толкнул друга, но тут же получил от него ногой по животу.

– У этих психов моя сестра, – показал Тео пальцем в сторону командиров.

– Вы плохо стараетесь, – вмешался Том и слегка прошёлся ножом по щеке Нэнси, которая стояла, зажмурившись от страха. Кровь стекала по подбородку, капала на снег, но девочка не замечала её. Она открыла глаза и видела сквозь слёзы своего брата и друзей, которые ради неё вынуждены драться друг с другом.

– Хотите шоу, вы его получите! – крикнул, поднявшись, Оливер и налетел на Тео. Ник, в свою очередь, тоже кинулся в гущу событий. Они не могли позволить, что Габби тронул этот ублюдок, и начали драться по-настоящему. Во всех троих свербела ярость, гнев, жажда расправы, предназначенные Тому, Доновану и Шкафу, но все эти чувства мальчишки были вынуждены направить друг на друга. Ник напрыгнул на Тео сзади и вцепился в волосы, Оливер, используя момент, хорошенько врезал другу по лицу, отчего его рот наполнился кровью, потом ещё раз и ещё. Тут Тео сбросил Ника с себя, пнул его по почкам, а затем кинулся на Оливера. Они катались по снегу, били друг друга, что есть дури, выкрикивая мыслимые и немыслимые ругательства. И всё это под одобрительные возгласы командиров, как будто снова набиравших свою мощь, и аплодисменты толпы. Ник подбежал сзади к Оливеру, который оказался верхом

на Генри, сшиб его ударом по уху. Издав крик, Оливер повалился на снег, и Ник принялся бить его ногами. Тут Тео, ударом под зад повалил Ника и сомкнул ладони на его шее. Шкаф приказал им остановиться.

Мальчишки, были вымотаны до предела, после работы в котельной и после этой драки, они каким-то чудом ещё держались на ногах. Тео отплёвывался кровью, у Оливера заплаыл глаз, а носом шла кровь, он удивлялся, как у него рёбра-то все целы. Ник держался за шею и глубоко порывисто дышал, никак не придя в себя. Он думал, что ещё чуть-чуть и Генри убьёт его, задушит и его мёртвое тело кинут к остальным в общую могилу на кладбище.

– Bravo, – начал снова аплодировать им Донован, все остальные к нему присоединились. – Отличное представление!

– Эй ты, подойди сюда! – ткнул Том пальцем в Оливера.

Оливер подготовился к худшему. *«Что на этот раз? Они хотят, чтобы мы поубивали друг друга. Почему так долго продолжается прогулка?»*

– Держи! – Шкаф подал ему тятку, ту самую, которой Тео рассёк лоб Тома. Оливер непонимающе уставился на него, он отказывался понимать, что эти психи хотят от него. – Твой друг оставил мне этот шрам, я стал уродом по его вине, теперь его очередь. И это сделаешь ты.

– Нет! – Габби принялась вырываться, хоть, и знала, что ей за это не поздоровится. – Ублюдок! – Том вырвал девочку из хватки Шкафа, ударил ногой по коленной ямке, отчего девочка не удержалась и упала.

– Нэнси! – Тео мог поклясться, что в эти мгновения ощущал, как рушиться его мир. Он ничего не может поделать с тем, что самому дорогому в его жизни человеку причиняют боль, и предательские слёзы выступили на его глазах. Тео почувствовал себя беззащитным глупым мальчишкой, который потерял бдительность, забыл про командиров и не уследил за сестрой. Том приподнял Габби за волосы и поставил на колени. Девочка плакала, хотела, чтобы брат защитил её, но понимала, что он не может. Она посмотрела на Тео и мысленно просила у него прощение, мальчик же расценил её взгляд, как укор себе. – Бери же её! – проревел Тео.

Оливер повернул голову на Генри, словно в бреду взял оружие и пошёл к другу вместе со Шкафом и Донованом. Командиры взяли Тео за руки и опрокинули на снег.

– Шоу продолжается! – ликующе крикнул Том и толпа одобрительно зааплодировала снова.

– Я не смогу, я не смогу, – повторял Оливер как заведённый, по его лицу катились слёзы.

– Ты должен Оливер, – Тео не отрываясь смотрел на мальчишку. – Ты мой друг.

– Давай ссанный педик, – подначивали его Шкаф и Донован, которые, сидя на коленях, держали ими руки Тео.

Оливер, не веря в то, что он сейчас на самом деле сделает это, что другого выхода нет, уже приготовился воткнуть острое полотно в лоб Тео, и в этот момент три ледяных снежка попали прямо Тому в голову. Это был Макс, может, он решил, что одного молчания за своё спасение было мало, или не мог просто оставаться в стороне и на свой страх и риск, единственный пошёл против командиров. Макс помнил, как пресмыкался перед ними, помнил, как они и над ним издевались, желая заглушить его волю и гордость, желая сломать его. И тогда, он поддался им, но не в этот раз. С него хватит, он не мог допустить, чтобы в приюте снова воцарились старые порядки. От неожиданности Том выпустил Габби из рук, и девочка тут же рванулась к Оливеру!

– Стой Оливер! – со всех сил закричала Габби. Мальчик обернулся, увидел, что Нэнси на свободе, и даже не задумываясь над тем, что он делает, воткнул тятку в ногу Донована. Он заверещал как резаный, и мальчишки пустились в новую драку, теперь уже со Шкафом, а Донован отполз подальше, обсыпая ребят страшными проклятиями.

Ник схватил Нэнси за руку и закрыл собой потому как, к ним уже бежал Том, разъярённый и потерявший над собой всякий контроль.

– Беги Нэнс, зови на помощь! – выкрикнул Ник, и девочка побежала, как можно быстрее, протискиваясь сквозь толпу ребят. Том уже был рядом и Ник приготовился к худшему, ей-богу он думал, что тот убьёт его. В голове мальчика промелькнула мысль, что это будет славная смерть, ведь он встал на защиту своих друзей. Том налетел на него, и со всего размаху дал Нику по лицу. Мальчик упал, но вовремя успел схватить Тома за ноги и тот, поскользнувшись, повалился на снег.

– Куда это ты собралась? – Крис и Роуз схватили Нэнси за руки, они смотрели на неё злобными маленькими глазками, явно не собираясь отпускать, но тут вмешалась Мейв. Она стояла неподалёку, и всё это время испытывала невыносимое чувство вины перед девочкой. Мейв дёрнула Крис и Роуз за волосы с такой силой, что девочки охнули и отпустили Нэнси.

– Бежим! – крикнула Мейв.

Они помчались в приют. На вахте сидел Стен, он что-то крикнул девочкам, но они, даже не обратив на него никакого внимания, побежали к Уэнди и доктору Стэнфорду. Сбивчиво они принялись объяснять взрослым, что случилось. И когда с объяснениями было покончено, доктор и медсестра быстро выбежали из кабинета и послали Стена за Киллиганом. Сами же немедленно выбежали на улицу.

Перед ними расступились воспитанники. Стэнфорд подбежал к Тому, который ногами избивал Ника, пытающимся кое-как прикрыть жизненно важные органы. Он оттолкнул его, но Том полностью слетел с тормозов, он напал на Стэнфорда. Воспитанники смотрели на эту сцену во все глаза, никогда при ещё никто на их памяти не нападал на старших, и это уж точно было из ряда вон, даже Оливер, Тео и Шкаф прекратили драку и также уставились на эту картину.

– Сейчас же остановился, недоносок! – раздался повелительный скребущий голос мистера Киллигана, который, как хлыст, ударил по ушам. Директор по дороге на Пятачок, заглянул в хижину мистера Лейка и привёл с собой также и Сэма.

Мужчины оттащили Тома, предварительно дав ему пару тумачков, скрутили за спиной руки и принялись ждать дальнейших указаний.

– Все участники драки пойдут в мой кабинет. Остальным живо разойтись! – взревел Киллиган. Воспитанникам не пришлось повторять дважды, при виде разъярённого директора их, как ветром сдуло.

Мистер Лейк подошёл к Доновану, который пытался хоть как-то подняться, но все его попытки терпели фиаско, он был в полуобморочном состоянии.

– Тут дела совсем плохо, вон как ему ногу пробило.

Стэнфорд и Лейк подхватили Донована под руки, Уэнди же помогла встать Нику на ноги – ему досталось больше всех от Тома. Шкаф, Генри и Оливер, несмотря на разбитые лица и крайне помятый вид выглядели куда лучше. Габби же сразу подбежала к брату, обняла его и разрыдалась. Она хотела что-то сказать, но не могла вымолвить ни слова.

– Всё позади Нэнси, – Тео поцеловал сестру в макушку, и крепко прижал её к себе – всё хорошо. Нам нужно идти.

Все проследовали в кабинет к директору, кроме Донована – его сразу отвели в медицинский кабинет. Уэнди нужно было идти со Стэнфордом и помочь ему, но она не могла оставить детей одних, поэтому женщина также пошла в кабинет.

Киллиган устроил всем ребятам допрос с пристрастием, в ходе которого уже через несколько минут директор был в курсе последних событий. И если Шкаф, вроде бы испытывал что-то наподобие раскаяния, то Том же слетев с катушек просто сидел и ухмылялся. Киллиган испугался, что эти три недоумка могут выкинуть что-нибудь подобное ещё раз, а то и существенно навредить и возможно убить детей, а значит лишить его денег Тайлера и нажать себе врага в его лице.

– Вы сядете в карцер, – отчеканил мистер Киллиган, указав на Шкафа и Тома, – а с вашим другом я разберусь позже.

На это Том послал директора ко всем чертям. Лицо Киллигана приняло злое, пугающее своим уродством выражение лица, глаза будто остекленели, теперь он скорее походил на стервятника, чем на пингвина.

– Вышли все из кабинета, – гробовым голосом сказал директор. Уэнди, Нику, Оливеру, Габби и Тео не нужно было повторять дважды, и они как можно скорее покинули кабинет. – Стен, Сэм подержите этого молодого человека.

Мужчины крепко держали Тома, пока Киллиган обрушивал на него безжалостные удары тростью один за другим и поносил парня, на чём свет стоит.

– Я сгною тебя в этом карцере, ты понял кусок дерьма?

Шкафу ничего не оставалось, кроме того, как тупо наблюдать, пока его друга зверски избивают, от страха он даже закрыл руками лицо и уже представлял, как им туго с Томом придётся в подземке. Киллиган же остановился только тогда, когда парень потерял сознание.

– Теперь отведите их в подвал. Воду давать раз в день, – приказал он Сэму и Стену.

В карцере было сыро и жутко холодно, он кишел крысами, которые подползали к Тому и Шкафу, кусали их, не давая заснуть. Теперь Шкаф на собственной шкуре испытал какого это – сидеть в подземке. Он издевался над Генри, когда тот сидел в этой же камере, смеялся над тем, что у него едет крыша, теперь же крыша ехала у самого Шкафа. Том был сломлен. После того как, вынашивая несколько месяцев план отмщения, после того как всё почти что получилось, и он был так близок к возмездию, всё пошло прахом, парень так ничего и не добился, да к тому же теперь его бросили в карцер медленно умирать.

Перед тем как посадить бывших командиров в карцер, их обыскали и у Тома нашли нож, но Киллиган улыбнулся почти доброжелательной улыбкой, и сказал, что нож ему возможно пригодится, когда он не сможет больше выносить эту пытку. А Том больше и правда не мог. Он стиснул в руке нож, а потом воткнул его себе в живот. Крысы, почуяв кровь тут же сбежались, Шкаф не понимал в чём дело, он начал звать друга, а в ответ – тишина. Он кинулся к Тому. Тот сидел в луже крови, над его телом уже трудились крысы. И когда Шкаф осознал в чём дело, он метнулся к двери, истошно вопя, чтобы его выпустили, но никто не отозвался. Он провёл с трупом, почти десять часов, и этого хватило, чтобы он сошёл с ума. Его упекли в психушку имени доктора Хадчинсона, и о дальнейшей судьбе Шкафа больше никто не слышал.

Но оставался ещё Донован – он был живее всех живых и в своём уме. Последний из трёх командиров. Его подкосила потеря друзей, но не настолько, чтоб он не грезил отмщением. Он, Донован, в одиночку, делает так, чтобы эти недоноски пожалели, что появились на свет. *«Какой же песней для души будут их муки. Я ещё потанцую на их могиле»* – улыбнулся такой мысли Донован, который по распоряжению Киллигана, уже несколько дней сидел в застенке на чердаке, где его заставляли приклонять колени перед Господом, читать молитвы, заучивать псалмы из Святого Писания и каяться в своих грехах.

Глава 4

Когда дети и Уэнди выбежали из кабинета мистера Киллигана, то услышали, как на Тома обрушивается град ударов, и все поневоле поёжились, все кроме Тео. Сдавленные крики, доносившиеся из комнаты, ласкали слух мальчика: *«так этому ублюдку и надо. Они получили, то, что заслуживают, и я очень надеюсь, что они сдохнут там»* – ликуя думал про себя Тео. Может быть, он даже и постоял бы какое-то время под дверью наслаждаясь криками Тома, как музыкальной пластинкой, но Уэнди всех повела в медицинский кабинет. Да уж. Эти дети были там частыми гостями!

Донован лежал в отключке с перебинтованной ногой. Когда Оливер взглянул на командира, он испытал гордость за себя, за то, что благодаря ему эта сволочь не сможет ходить какое-то время. Из всех троих Оливер больше всего ненавидел именно Донована, и эта ненависть была взаимной. С самых первых дней командир с шестёрками гоняли его по всему приюту, это была самая настоящая травля, охотились они на него каждый божий день и им это не надоело. Иногда Оливеру удавалось спрятаться, но чаще его ловили, обзывали грёбаный педиком и подвергали всевозможным издевательствам – от простых побоев и кидания камнями до привязывания мальчика к дереву, которое сопровождалось унижительным спусканием штанов, и избиванием палками. Затем появился Ник и вместе они кое-как уже могли противостоять этим уродам. Ну, как противостоять? Они разделили между собой все невзгоды поровну. *«Теперь он оплатился за это, – подумал Оливер, – а потом его упрячут в подземку к Шкафу и Тому, пусть там вместе кукуют»*. Когда Уэнди под многочисленные причитания обработала их ссадины, и четверо друзей вышли из кабинета, они принялись бурно обсуждать произошедшее. Дети не стали делать этого при Уэнди. Хотя она и была их другом, она была взрослой, и явно бы не разделила все восторги ребят.

– Генри, это я виновата в том, что произошло, – Габби избегала смотреть на брата, она думала, что Тео будет ругать её, а она просто не выносила, когда на неё кричат. – Мэйв позвала меня гулять... Я просто хотела с кем-нибудь подружиться...

Тео видел – ещё чуть-чуть, сестра не выдержит, и её нервы сдадут.

– Ты ни в чём не виновата Нэнси, – брат погладил девочку по щеке, – я должен был лучше следить за тобой, я обещал, что они не тронут тебя. Сейчас всё уже позади.

Эту семейную идиллию решил нарушить Ник, потому что он уже не мог держать в себе все свои эмоции, ему нужно было выговориться, иначе он бы просто не просто взорвался бы.

– Вы видели, как он набросился на Стэнфорда?

– Мы даже со Шкафом перестали драться, – вторил ему Оливер, у которого до сих пор бурлила кровь, стоило только вспомнить тот миг, когда он чуть не проткнул щёку Генри.

– По-моему, он вконец спятил, – Ник покрутил пальцем у виска и присвистнул. – Думаю, Киллиган его отделал что надо!

– Да уж, ну хоть что-то хорошее он сделал, – только при одном воспоминании о тех звуках за дверью, Тео широко улыбнулся.

– Ставлю на то, что они загнутся в карцере, – Оливер щёлкнул пальцами, и ему подумалось, что это действительно было бы просто отлично. Какая-то его часть твердила, что желать кому-то смерти – ужасно, ужасно носить в себе такую ненависть, но эту ненависть разделяли все его друзья.

– Поддерживаю! – в сердцах выпалила Габби.

– И по-моему, – они это заслужили, – Тео секунду помолчал, собираясь с мыслями. – Оливер, Ник простите, что мне пришлось драться с вами.

Друзья переглянулись. Тогда они все втроем словно бы слетели с катушек и молотили друг друга так, будто они кровные враги. Никто не хотел этого вспоминать – Тео было стыдно,

что он со всей свойственной ему яростью избивал друзей, у Оливера перед глазами стояла картина, как он с другом катались по земле, выкрикивая всевозможные ругательства, словно пара сцепившихся друг с другом бродячих собак, а Ник меньше всего хотел вспоминать, как его чуть ли не задушил Генри.

– Всё путём... – спокойным ровным голосом произнёс Оливер, и состроив хитрую гримасу, добавил: – А всё-таки мы с Ником тебя хорошо отделили. Да, Ник?

– Да, это точно! – хрустнул пальцами мальчик.

«Вот говнюки!» – подумал про себя Тео, и не удержавшись показал друзьям средние пальцы, и они, сделав вид, что крайне возмущены, ответили ему тем же.

– Кстати, я так и не понял, как ты вырвалась от Тома, – Тео вопросительно посмотрел на сестру, для него это было подобно чуду, и никак не укладывалось в голове.

– Какой-то мальчик кинул в него три ледяных снежка, и все три попали в лицо, Том выпустил меня, и я сразу рванула к вам, – сказала Нэнси, с явным наслаждением вспоминая этот переломный момент. – Он такой высокий, в серой куртке, и ещё у него, короткие тёмные волосы.

– Сможешь его узнать?

– Да, смогу, – закивала головой Нэнси.

– Кажется, я знаю, кто это, – ребята устремили взгляд на Оливера, который выдержал небольшую паузу, и только тогда заговорил: – Думаю, это Макс.

– Тот самый, что был с вами в котельной?

Оливер утвердительно кивнул.

– Когда увидим его – спросим, он это был или нет.

Ребята с удовольствием поговорили бы ещё, но к ним подошла миссис Дженкинсон и увела Габби на кухню – она должна была вместе с другими девочками на ужин чистить ведра с овощами. До приюта Габби никогда не чистила овощи в таком количестве, она часто резалась, работала медленно, отчего поварахи неизменно ворчали на неё, и у неё ужасно болели пальцы, – чистку она ненавидела всей душой. А Оливера, Ника и Тео погнало расчищать территорию вокруг приюта от снега.

Когда Габби пришла на кухню, там уже сидело несколько воспитанниц, включая Мэйв, и пока они не увидели девочку, оживлённо обсуждали недавние события. Перед Габби поставили тазик с картошкой, дали неудобный длинный тупой нож и велели поторопиться. Она сидела как раз напротив Мэйв, и видела, что та несколько раз хотела заговорить с ней, но не решалась, Габби же делала вид, что погружена в работу. Прошло больше получаса, и Мэйв, собравшись с духом, решила заговорить.

– Нэнси, Нэнси... – шёпотом начала девочка, и Габби вскинула голову, в упор смотря на Мэйв. – Прости, я правда не знала, что они задумали.

Габби кивнула, сохраняя непроницаемое выражение лица, и продолжила чистить картошку. И только когда воспитанницы, закончив работу, собирались уходить с кухни, Габби, которая начистила только одну треть, бросила Мэйв:

– Спасибо, что дёрнула этих уродок.

Девочка хотела помочь Нэнси дочистить, но та отказалась. Больше она не хотела иметь подруг в приюте, и не доверяла никому, кроме Ника, Оливера и Тео. Она скучала по Джейн, сейчас ей как никогда не хватало её поддержки, спокойствия и выдержки. Джейн придавала ей уверенности, с ней невозможно было заскучать. Они могли говорить с Габби без умолку, заплетать волосы в замысловатые причёски, сплетничать, делиться секретами. И чем больше Габби думала о Джейн, тем острее ощущала своё одиночество среди других девочек.

На вечерней прогулке Оливер с Ником указали на Макса, и Габби подтвердила, что это именно он бросил ледяные комки. Они подошли к нему и поблагодарили за то, что с его подачи, им удалось одолеть командиров.

– Я просто не мог допустить, чтобы вернулись старые порядки, – несколько смущённо проговорил Макс, и почесав макушку, заговорил о том, что его интересовало всё это время: – Я хотел спросить у вас кое-что... Почему вы хотите сбежать? Разве вы не хотите попасть к приёмным семьям?

Ребята замялись, каждый в голове тщательно взвешивал, можно ли доверить Максу эту информацию, они не знали, как он отреагирует на правду, но в связи с последними событиями, они всё же решили рассказать ему о том, что здесь на самом деле детей отправляют в рабство, а о счастливом будущем в приёмных семьях говорят лишь для отвода глаз, чтобы держать воспитанников в узде. Макс застыл, по его лицу невозможно было понять, поверил он им или нет, его глаза стали словно неживые, и Ник с Оливером прекрасно понимали его. Мальчик не хотел в это верить, но, пораскинув мозгами, подумал, что это похоже на правду.

– Не говори об этом никому. Нельзя, чтоб дошло до Киллигана, – предупредил Тео, и вид у него был крайне убедительным, – у него есть свои шестёрки, и когда он прознает о том, что дети в курсе его дел, сразу примет меры.

– Другие вряд ли в это поверят, – усмехнулся Макс, – и, скорее всего, даже побьют, если им рассказать про торговлю детьми.

– Если хочешь, расскажи, но только проверенному человеку, тому, кому ты полностью доверяешь. – Оливер сам не знал почему, но он надеялся, что у мальчишки есть друг, и что он не один. До этого он враждебно относился к Максусу и боялся, что тот растреплет всё о лазе, но мальчик не сделал этого, и теперь благодаря ему, они избавились от командиров. Поэтому Оливер всё больше ему симпатизировал.

– Такого человека нет, – задумчиво произнёс Макс. Он так и не обзавёлся друзьями в приюте. Были мальчишки, с которыми он проводил время, но это были скорее приятели, и шатался Макс с ними только для того, чтобы не быть в одиночестве. – И когда вы собираетесь бежать?

– Когда станет теплее.

Оливер не знал, стоит ли Максусу предложить бежать с ними. Тео с Габби молчали, но они молчали потому, что и вовсе не собирались сбежать, а собирались просить Тайлера за Ника и Оливера. Неловкое молчание затянулось до неприличия, и его решил нарушить Макс, поняв, что разговор исчерпан.

– Спасибо, что рассказали. Я буду молчать, – с этими словами он побрёл куда глаза глядят. Он думал о том, что все его мечты пошли прахом, но по крайней мере, он тоже знает о лазе, и сможет весной сбежать, скорее всего, в конце марта, тогда уже будет более-менее тепло, и в конце марта приют перестаёт отапливаться и котельную закроют до зимы.

* * *

Как и ожидали дети двадцатого января в обеденное время их вызвали в кабинет к директору. Киллиган показался им странным, его цепкий взгляд стал более хищным. Хотя, казалось, куда уж больше? Мерзкая улыбка застыла на его лице, и Тайлер, как и дети, не сговариваясь, приняли решение поскорее убраться из кабинета, но перед тем, как выйти, Киллиган окликнул мужчину и попросил зайти к нему после. *«Что ему нужно? Наверное, решил поднять плату за детей»* – размышлял Тайлер, спускаясь по ступеням приюта.

Сэма он спровадил, и когда они оказались на безопасном расстоянии от воспитателя, Тео с Габби кинулись уговаривать мужчину, чтобы он взял с собой из приюта ещё и Ника, с Оливером и с Уэнди. Тайлер ни в какую не соглашался, какими бы щенячьими глазами ни смотрела на него девочка, какие бы доводы ни приводил Тео в их пользу. Мальчик говорил, что они будут работать втроем, Уэнди сможет приглядывать за Габби и устроиться на работу в больницу, в конце концов, Габби нуждается в том, чтобы рядом с ней была женщина, да и дети

всегда будут под присмотром. Но мужчина наотрез отказывался брать на себя ответственность ещё за двоих детей. *«А почему бы весь приют с собой не вывести?! Они думают это так просто прихватить с собой до кучи ещё пару детишек и медсестру в придачу? Мне придётся выкупать тех детей, и я даже представить не могу, какую цену назовёт Киллиган»*. Тогда Тео решил привести контраргумент.

– Тогда мы поступим по-своему. В любом случае мы уйдём из приюта только вместе с ними, – парень был на взводе, он не мог понять, почему Тайлер настолько категоричен в своём отказе.

– По-своему? И что это, мать твою, значит? – у Тайлера тоже уже сдавали нервы.

– У нас есть план, – уклончиво ответил Тео.

– План? Вы собираетесь бежать? – Тайлер потёр переносицу и нервно рассмеялся. – Ты хоть представляешь, что вас ждёт? Ты жил когда-нибудь на улице? – он смотрел на мальчишку убийственным взглядом, но тот и бровью не повёл, и нисколько не смутившись, тоже уставился на Тайлера. – Там только нищета, голод и болезни. Ты такой жизни хочешь?

– Мы не можем их тут бросить. Папа бы одобрил наш поступок, он бы гордился нами.

– Но вашего отца здесь нет! – в сердцах воскликнул Тайлер, и тут же пожалел об этом, стоило ему увидеть, как поникла Габби.

– Вместе мы справимся, мы найдём выход, и ты не помешаешь нам, – отчеканил Тео, дав понять мужчине, что разговор окончен. – Пойдём Нэнси.

Габби, которая весь разбор полётов молчала, с сожалением посмотрела на Тайлера и нехотя пошла вслед за братом. А мужчина от нахлынувшего на него приступа ярости принялся бить машину ногами. *«Чёртовы дети! – взревел Тайлер. – На кой я вообще полез в это?! Жил бы сейчас спокойно. Но нет же! Сам виноват, что подписался нянчиться с ними»*. Он проклинал всех и каждого на чём свет стоит. Но на этом беды мужчины не закончились. Выпустив пар, он поднялся к директору.

Дети в это время решили пойти в столовую. Габби, бывало, часто ходила туда и одна, когда ей было особо грустно и одиноко, и когда никого не было. Она подходила к старому пианино, поднимала чёрную клавишу соль-диез второй октавы и доставала сложенную в тонкую трубочку фотографию. Фото, на котором был отец, придавало ей сил, даже с того света он помогал ей, поддерживал её и когда девочка смотрела в добрые глаза отца, то знала, что они со всем справятся. Вот и сейчас ей нужно было побыть с папой. Тео также чувствовал в этом потребность. Глядя на фотографию, он хотел убедиться, что всё делает правильно, и хоть отца больше не было, часть его всегда находилась в нём. Убедившись, что никого поблизости нет, дети подошли к пианино, и Габби по своему обыкновению открыла клавишу и её объял ужас, когда фотографии там не оказалось.

– Тео её нет! – по коже Габби пробежали множество мурашек, волна паники нахлынула на неё, в голове возникла целая куча вопросов: *«Кто взял фотографию? Кто-то видел её, когда она брала её? Кто это мог быть? И что сделали с их фотографией? Что если всё всплывёт?»*

– Как нет? – Тео в каком-то оцепенении уставился на сестру. – Может, ты переложила её под другую клавишу?

Дети начали отковыривать все чёрные клавиши пианино, которые поддавались, но тщетно, фотографии нигде не было.

– Габби, когда ты последний раз тут была? – теперь паника перекинулась и на мальчишку. Его мучили те же самые вопросы, что задавала себе мысленно сестра.

– Кажется, три дня назад.

– Кто-то мог увидеть, как ты достаёшь её, а потом украсть. Только вот... Чёрт! – оборвал сам себя Тео. – Вот почему Киллиган сегодня был особенно мерзким, вот почему он пригласил Тайлера после прогулки к себе. Фотография у него, и тут два варианта, либо тебя видел сам Киллиган, либо это был кто-то другой, кто передал ему фото.

– Что нам теперь делать?

– Бежим к его кабинету, пока Тайлер от него не ушёл, мы должны застать его.

С этими словами дети со всех ног побежали к кабинету директора, и как они не пытались подслушать разговор двух мужчин, те говорили слишком тихо, чтобы можно было расслышать хоть что-то.

Они не знали, сколько уже торчат у дверей директорской, на них уже подозрительно начал коситься Стен, но тут Тайлер наконец-то вышел и на него тут же испытующе уставились две пары глаз. По его мрачному, крайне напряжённому лицу можно было понять, что дела совсем плохи.

– Тайлер... мы не нашли фотографию, – решила сразу же в лоб сказать Габби.

– Я знаю. Этот ублюдок сказал, что ему её кто-то дал.

– Я даже догадываюсь кто... – Тео сжал кулаки, он уже знал, что, когда Тайлер уйдёт, он пойдёт бить морду Доновану. – Что теперь будет? Он знает кто мы?

– Тишш, – мужчина отвёл детей в сторону. – Да, он знает, – заговорил шёпотом Тайлер. – И его молчание дорого мне обойдётся.

– Какое он поставил условие? Что он хочет? – Тео также перешёл на шёпот и огляделся по сторонам.

– Вам не нужно этого знать, – было видно, что мужчина не хочет говорить правду при Габби, он посмотрел на Тео, тихонько кивнул в сторону девочки и помотал головой. – Главное, когда я выполню то, что хочет Киллиган, вы будете в относительной безопасности. А теперь мне пора идти, – мужчина развернулся и хотел было уйти, но Габби окликнула его.

– Тайлер! – девочка подскочила к нему и взяла за руку, – спасибо, что тебе не всё равно.

Тео тоже подошёл, и еле заметно покосился на сестру, – *«Это прекратится когда-нибудь? Или чем дальше, тем будет только хуже?»*

– Это из-за меня, – продолжала Нэнси. – Мне нужно было быть осторожнее, Тео ведь почти не подходил к пианино.

Это правда, Тео не мог себя заставить смотреть на фото и невольно вспоминать прошлое, где они были счастливы, бывало Габби даже насильно тянула его в столовую, чтобы не быть там одной.

– Слушайте, я сделаю всё для вашей безопасности потому, что... – *«потому, что вы мои дети, я несу за вас ответственность, я привязался к вам»* – подумал про себя Тайлер, но вслух ничего не сказал и громко выдохнул. – Я приеду через месяц, – мужчина быстрыми шагами смерил коридор и скрылся за главной дверью.

– Иди к себе Габби, – Тео круто развернулся и зашагал к лестничной клетке мальчишек.

– Ты куда? – Габби почуяв неладное уже было собиралась идти вслед за братом, но на неё прикрикнул Стен, и девочке пришлось отступить.

– Мне нужно кое с кем разобраться.

– Постой Тео, – но мальчик припустился бегом по лестнице. Габби делать было нечего, она отправилась переживать случившееся в комнату девочек. Пропажа фотографии, то, что их положение с братом на данный момент было весьма шатким, хоть Тайлер и пообещал их защитить, к тому же ещё и Тео сейчас может натворить глупостей – всё это навалилось на неё, и девочка рухнула на кровать. Она не плакала, у неё даже на это не было сил, поэтому она просто лежала и смотрела в потолок, уже готовясь к тому, что вскоре ей придётся услышать ещё одни дурные вести.

Тео же пронёсся мимо родного этажа и вбежал на четвёртый. *«Я оттащу его в туалет, и там выбью из него всё дерьмо»* – судорожно думал про себя мальчик. Он зашёл в общую комнату, увидел в дальнем углу Донована, что-то записывающего себе в тетрадь, и с угрожающим видом направился к нему. Все тут же замолчали, и те, кто стоял у мальчика на пути, расступались перед ним, боясь, что ярость Тео распространится и на них. Донован оторвал

свою голову от тетради и просто наблюдал за тем, как Тео, с перекошенным злобой лицом подходит к нему. Он несколько не испугался, наоборот, ему доставляло удовольствие видеть мальчишку озверевшим – значит, он всё сделал правильно. Возможно, хоть и немного, но он испортил им жизнь.

– Привет Генри, – протянул с улыбкой Донован, – случилось что?

Тео еле сдержался, чтоб не врезать ему прямо здесь же, но при всех он разбираться с ним не мог, поэтому схватил Донована за шкуру и поволок в туалет. К его удивлению, парень не сопротивлялся, он послушно брёл рядом с Тео, и даже тогда, когда мальчик втолкнул Донована в туалет, тот дал ему беспрепятственно подпереть шваброй дверь и к тому же для пущей конфиденциальности приставить тумбочку, хотя мальчик знал, что за дверью собрались ребята, которым не терпелось стать свидетелями очередной потасовки.

– Это ты отдал Киллигану фотографию? – Тео пригвоздил Донована к стене, и пытливо посмотрел на него. Как же его бесило это насмешливое, крысиное выражение лица, как будто он знает про Тео абсолютно всё, каждую мелочь.

– Фотографию? Какую фотографию? – осклабился Донован, будто бы не понимая, о чём говорит Генри.

– Теперь у нас большие проблемы из-за тебя, тупой ты кусок дерьма, – Тео не сдержался и дал парню в челюсть, на что Донован только рассмеялся окровавленным ртом.

– И я этому бесконечно рад, – сказал он, противно хихикая. Тео хотел врезать ему ещё раз, но тот проворно перехватил его руку. – Из-за вас тройки недоносков погиб Том, а Шкаф стал психом...

– И в этом виноваты только они сами, – Тео подставил Доновану подножку, и тот, падая, утянул мальчишку за собой и оглушил его ударом в ухо. Он схватился за ухо, и в этот момент Донован дал своим острым локтем прямо в глаз Тео. Мальчик взвыл от жгучей боли, ему показалось, что его глаз сейчас просто вытечет из глазницы, открыть он его не мог.

– Я не успокоюсь, пока не превращу твою жизнь, жизнь твоей сестрички и друзей в ад.

Донован, ослеплённый своей удачей, норовил ещё как следует врезать Тео, но в этот момент кулак мальчишки прошёлся по рёбрам ублюдка, и тот скорчился от боли. Тео был бы несказанно рад, если бы ему удалось сломать ему парочку. Затем, врезав ему ногой по голове, он отпихнул Донована от себя.

– Если ты попытаешься сделать ещё что-то, то отправишься вслед за Томом, ты понял это? – проорал Тео в тот момент, когда поднял Донована за волосы и стукнул головой об пол. Ему хотелось бить его головой о кафед, и снова бить и так до бесконечности, пока от его головы не осталось бы сплошное кровавое месиво.

Когда Тео закрылся в туалете с Донованом, в общую комнату на третьем этаже прибежало несколько мальчишек, они рассказали, что произошло. Оливер с Ником сразу же бросились туда. И сейчас они ломались в дверь, где вовсю кипел ожесточённый бой. Друзья звали Тео, кричали, чтоб он прекратил, но всё тщетно. В конце концов, из-за того, что дверь была хлипкая, от того, что мальчишки так упорно ломались в туалет, она сошла с петель. И ребята всей гурьбой ввалились в туалет и мысленно поблагодарили Бога за то, что пока никто никого не убил. Мальчишки сразу же разняли дерущихся и у обоих крепко скрутили руки за спиной.

– Это вы со своим папашей там на фотографии? – еле ворочая языком проговорил Донован, ему давалось говорить с большим трудом, а уж улыбаться тем более, но он это делал несмотря на боль. – Бьюсь об заклад, что его прикончили, как шавку, а вас запихнули сюда.

– Это я тебя сейчас прикончу гондон! – Тео принялся вырывать, но Оливер с Ником крепко держали его. – Пустите меня!

– А вы ведь были богатеньким сукиными детьми! – продолжал Донован, который вовсе не противился тому, что ребята держали его. – Ну и как вам эта изнанка жизни, а?

Тео насилу вывели из туалета, хоть он упирался и выкрикивал всевозможные ругательства. К финалу как раз подоспел Сэм, и когда воспитатель увидел разбитый лоб Донована, то принял незамедлительное решение относительно Генри – он отправил его на трое суток в застенки. Возможно, Донован именно этого и добивался, и возможно, это было очередным шоу, но, что ещё входило в его планы, никто не знал.

Донован научился быть невидимкой, он следовал за ребятами неуловимой тенью, пару раз они замечали, что он пасётся где-то рядом, и когда он понимал, что попался – сразу же убегал. Именно эта сверхспособность к невидимости укрыла его от глаз Нэнси, которая не заметила, что в столовой кто-то есть, кроме неё, и начала капаться в пианино. *«Какой, наверное, для них был сюрприз, когда они не нашли там фотографии?»* – с наслаждением думал про себя Донован. Генри он запихнул в застенки, Нэнси он трогать не собирался, в конце концов, он не самоубийца – потому что парень был уверен, что кто-то, а Генри способен с лёгкостью пойти на убийство ради сестры, а вот для его дружков, жирдяя и педика у него было припрятано пара тузов в рукаве.

Последние, что успел сказать Тео друзьям, перед тем как его посадили на чердак и при полном контроле Сэма заставили читать молитвы, просить прощение у Всевышнего и каяться в грехах, это была мольба о том, чтобы позаботиться о Нэнси. И друзья, конечно, пообещали, и сказали, что ночью подойдут к двери застенков. Когда все идиотские процедуры, связанные с религией, были сделаны, Сэм наконец-то оставил мальчика одного, как он выразился *«сидеть и думать своей тупой башкой над милосердием Господнем»*. *«Милосердие? Это он называет милосердием? Да чихал я на твоего Бога!»* – в сердцах думал Тео. – *«Если он есть, то, какого хера он допускает столько дерьма? Пошёл к чертям такой Бог»* – Тео показал средний палец кресту, висящему на стене, ощущая неимоверное желание запихать его Сэму в задницу. Эта мысль его немного позабавила. Мальчик привалился к стене и думал над словами Донована, над тем, что он сказал. И его стоило опасаться – Донован был шибко умный, и хоть предыдущий его план, в котором друзья должны были драться друг с другом, провалился, ничто не мешает ему придумать кучу новых планов. Тео боялся, что за то время пока он сидит здесь, этот ублюдок что-нибудь сделает его сестре или друзьям. *«Чёрт! Ну зачем я так разозлился. Если я смог держать себя в руках, я бы сейчас был Оливером, Ником и Габби и не переживал так. Если он хоть что-то им сделает, я...»*

Мысли мальчика прервало копошение за дверью, это оказались Ник с Оливером, которые тихонько постукивали в дверь и звали его по имени.

– Я тут, – отозвался Тео. – Как там Нэнси?

– Когда мы рассказали ей про тебя, – Ник пытался подобрать нужные слова. – Она даже как будто и не удивилась.

Габби вообще на это никак не отреагировала, её уже было не удивить тем, что Тео вечно наказывают, и её откровенно достало то, что брат не может совладать со своей горячностью. А ведь она сразу поняла, что будет именно так. – Она с нами практически не разговаривала, хоть мы и спрашивали про эту фотографию – сказала, что нам всё должен объяснить ты.

– О чём Донован говорил, Генри? Что за фотография? – как можно более ровным тоном спросил Оливер. На самом деле, он отчаянно хотел это знать, и ему огромных трудов стоило сохранять спокойствие и не бросаться на друга, требуя объяснений.

Тео потёр переносицу и стукнул кулаком по двери.

– Теперь уже бессмысленно скрывать это от вас.

И он начал тихо рассказывать сквозь запертую дверь друзьям всё с той самой ночи, когда убили их с Габби отца. Он назвал их настоящие имена...

– А я всё думал, кто такая Габби? Ты несколько раз звал её по имени, когда тебе снились кошмары, – прервал рассказ Оливер, но затем спохватился. – Прости, продолжай.

Тео рассказал им о Тайлере, что они с Габби просили за них и Уэнди, пока мужчина отказывается, но они добьются от него согласия.

– Но вы не волнуйтесь, мы уйдём отсюда все вместе, если Тайлер всё же откажется, мы убежим через ту «дорогу жизни», о которой ты говорил.

– Спасибо Ген... – осёкся Ник. – Или нам теперь называть тебя Тео?

– В приюте меня все знают, как Генри. Так что зовите и меня и Габби по-старому. – Тео уже и сам отвык от своего настоящего имени – так к нему обращалась только Габби и то, когда они были вдвоём, а это было редкостью.

Тео принялся рассказывать про фотографию, которую они прятали в старом пианино, что на ней изображены Габби и Тео с отцом, её украл Донован и отдал Киллигану, и что директор как-то шантажировал Тайлера, и, скорее всего, он ему кого-то заказал.

– Если честно я очень боюсь. Боюсь, что Тайлер не справится с заданием и тогда Киллиган свяжется с людьми, которые заказали отца. И нас найдут, – Тео облокотился спиной о дверь. Каким же для него стало облегчением то, что он рассказал всё друзьям. Он уже давно нуждался в этой исповеди, и, видимо, сегодня настал этот день.

– Да в принципе ему и сейчас ничего не мешает это сделать, – ляпнул Ник, и Оливер ткнул его в бок. – Прости Генри.

– Нет, ты прав. И меня это чертовски бесит. Бесит, что в любую секунду нас могут увезти отсюда и пристрелить где-нибудь в лесу. Бесит, что я не могу с этим ничего поделать. И это всё из-за этого выблядка Донована, – мальчик задышал глубже, стараясь отогнать как можно дальше от себя такие мысли.

– Слушай, мы будем рядом с тобой, что бы ни случилось, – услышал он мягкий голос Оливера, и про себя Тео отметил, что голос его звучал нежно и как-то ласково, отчего мальчик тут же почувствовал неловкость, забытое чувство вновь всколыхнулось в его груди. – Мы поможем, чем сможем.

– Спасибо, – растерянно произнёс Тео. – Донован угрожал всем нам, сказал, что превратит нашу жизнь в ад, и если он попробует ещё что-то сделать...

– Мы вправим ему мозги, – ожесточённо воскликнул Ник.

– Обещайте мне, что будите настороже, он может выкинуть всё что угодно. – Тео боялся за друзей, сейчас сидя здесь, он никак не мог помочь им, не мог их защитить, как не мог и тогда сидя в подвале, и чувство ноющего бессилия снова накатило на него.

– Обещаем, – дружно отозвались друзья.

– Тогда идите, и... спасибо вам, – Тео положил руку на дверь, словно пытаясь хотя бы через неё, дотронуться до них. – Таких друзей, как вы у меня никогда не было.

– Ты тоже хороший друг Генри, о таких друзьях, как вы, я даже мечтать не мог, – Оливер неосознанно сделал тот же самый жест – приложил руку к двери.

Ник так растрогался, что поначалу не мог ничего сказать, но потом тоже положил руку на дверь и гордо произнёс:

– Вы стали моей семьёй. Спасибо вам!

Оливер ободряюще похлопал его по плечу, и они распрощались с Генри, договорившись также встретиться завтра ночью, и рассказать мальчишке, что произошло за день.

Глава 5

Лето 1964

Сегодня у Эммы был выходной, на улице стояла невыносимая духота, поэтому девушка решила остаться дома. Она налила себе лимонада, устроилась в гостиной и смотрела телепередачи. Тут в дверь постучали. *«Кто бы это мог быть? Мы не ждали гостей. Наверное, это Калев»*. Эмма пошла открывать, но на пороге стоял отнюдь не её лучший друг, а Питер, да ещё с букетом.

– Эмма привет, – начал было дружелюбно Питер, – я...

– Ты ещё имел наглость прийти сюда? – сразу же осадил его девушка и хотела захлопнуть дверь перед самым носом, но Питер подставил свою ногу, не давая девушке совершить задуманное.

– Эмма слушай, я хотел извиниться за то, что...

– Бросил нас тогда? – взорвалась Эмма. – Это тебя мамочка заставила? Не стоило утруждаться!

Что и говорить, девушка была вне себя от злости, одного взгляда на этого хлыща было достаточно, чтобы вызвать брезгливость и крайнее презрение, а эти маленькие редкие усики над верхней губой настолько бесили её, что хотелось вырвать их пинцетом.

Рейчел подросла как раз вовремя, так как Эмма уже намеривалась вытаскивать Питера из их дома силой.

– Питер, дорогуша, проходи.

– Мам! – сдавленно прорычала Эмма, на что Рейчел ткнула её локтем в бок, взяла Питера под локоть и проводила в гостиную.

– Спасибо, миссис Беннет, – с показной почтительностью отозвался Питер, улыбнулся, по мнению Эммы, премерзкой улыбкой, подарил букет миссис Беннет, и сел на край старенького диванчика.

– Сейчас я заварю чай, вы пока тут поворкуйте, – как бы между делом сказала Рейчел, и девушка смерила мать уничтожающим взглядом: *«Поворкуете?! Она эт' серьёзно? Да чё' ж эт' такое!»*

Эмма села напротив Питера в кресло и принялась сверлить его взглядом.

– Слушай Эмма, прости, что я тогда оставил вас с Эваном, – елеинным голосом начал Питер. – Я ужасно поступил, и я это понимаю, и может, мы сможем...

– Зачем ты пришёл Питер? – девушка видела, что он неспроста заискивает перед ней.

Рейчел принесла чай, увидела, что между молодыми людьми обстановка накалена, и сказав, что ей надо проведать Джона, поспешила уйти, хоть ей и было интересно, о чём они будут говорить, и чем завершится визит Питера. Они вместе проводили миссис Беннет взглядом, и только когда та скрылась на втором этаже, молодой человек снял маску.

– Для нас обоих не секрет, – Питер принял свой обычный самовлюблённый кретинский облик, от прежнего заискивания не осталось и следа, – что наши матери хотят свести нас. Не знаю, почему моя мамаша так прикипела именно к тебе... Хочет она, чтоб я женился, пускай, и я, в общем-то, не против. Ты от этого только выиграешь, – Эмма вскинула брови и хотела было что-то сказать, но слова будто застряли в горле. Питер тем временем продолжал: – Я хорошо обеспечен Эмма, а вашей семье не мешало бы поправить своё финансовое положение...

– Довольно! Никому здесь не нужны твои деньги, ты понял? – ярость захлестнула девушку, ей хотелось взять этого хлыща за шкуру и пинками выставить за дверь, как она и планировала с самого начала, Эмма даже встала с кресла.

– Хорошенько подумай, я не буду предлагать дважды.

– А те' чё' с этого? Какая выгода в этом браке для тя'? – ей казалось, что Питер что-то недоговаривает, специально не говорит всей правды, и от этого она ощущала себя школьницей, которую хотят надурить, и это девушке ой как не нравилось.

Наверху хлопнула дверь, и послышались шаги, но Эмма ждала ответа, продолжая пронзительно смотреть на молодого человека. Питер же как-то сразу стушевался, буркнул, что ему уже пора уходить и поспешно покинул дом Беннетов.

Конечно, выгода в браке перед Питером была, да ещё какая! Его отец видел, что сын безнадёжен – учиться из рук вон плохо, спускает деньги на женщин, выпивку, и азартные игры – Питер не умел вовремя останавливаться, часто делал ставки и проматывал отцовские деньги, поэтому мистер Марш составил завещание, по которому все его деньги и акции после его смерти будут храниться в банке. Он не хотел, чтобы его сынок промотал всё до копейки в первый же месяц. И это наследство должно было пролежать там до тех пор, пока Питер не женится, Фанни же выплачивалось ежемесячное пособие на содержание дома и самой себя. Сын Фанни не работал, кланчил деньги у матери и, в конце концов, ей это надоело. Она сказала, что он должен остепениться, женщина надеялась, что женитьба пойдёт ему на пользу и он устроится на работу, и они наконец-то получат доступ к деньгам её мужа. Фанни грозила, что если он этого не сделает, то не получит от неё и пенни. А если он одумается и жениться, то она отдаст ему большую часть завещанного ей её мужем. Женщина начала присматривать себе невестку, и как раз встретила свою старую подругу Рейчел, у которой была дочка примерно того же возраста, что и Питер. И Фанни решила, что именно Эмма идеально подойдёт на роль жены её сына – во-первых, она была Кин-Дин, как и сама Фанни, во-вторых Рейчел жаловалась ей, что денег им не хватает, особенно с тех пор как заболел Джон, поэтому она рассчитывала на то, что у неё будет особо покладистая невестка, которая сможет нарожать кучу детишек. Но настроить Эмму на женитьбу им не представлялось возможным, девушка категорически отказала Питеру в ухаживаниях – и они было хотели присмотреть кого другого, но обстоятельства, к несчастью для девушки, сложились в их пользу.

* * *

Эван с Ником стояли около чёрного входа средней школы имени Кевина Макдаулда, в которой учились отпрыски более состоятельных граждан Эн-Си, нежели Кин-Дин. Ребёнку из низов туда можно было попасть только в том случае, если он участвовал во всех мероприятиях, организованных школой, принимал участие в олимпиадах и не просто принимал, а занимал места, в общем, дышал, как проклятый, одной учёбой и имел высшие баллы в таблице. Кроме того, нужно было сдать внутренние экзамены, и уже совет школы решал брать ученика на бесплатное обучение или нет. Но даже если каким-то чудом ребёнок попадал в школу, он становился объектом насмешек, над ним издевались остальные ученики из-за того, что он бедный, над его говором и манерой общаться.

Парни стояли позади школы, недалеко от ворот и ждали Мэгги Мастерсон и её подружку, имя которой Эван не запомнил. Он познакомился с Мэгги в музыкальном магазине «Тонни» на углу Данатхилл-стрит, где покупал струны для своей гитары, а девушка в этот момент выбирала музыкальные пластинки. Они разговорились и решили посидеть в сквере, что находился по другую сторону дороги. Сначала Эван смотрел на неё только как на объект вожделения – топ, оголяющий плоский животик, мини-юбка – на неё заглядывались многие парни, и молодому человеку льстило то, что сейчас она сидит именно с ним. Вскоре ей нужно было уходить и Эван договорился встретиться с ней снова, и спустя несколько таких встреч парень был уже без ума от девушки. По-настоящему он влюбился первый раз, и никогда не приходил на встречу с пустыми руками – цветы, конфеты Милк Трей, и две пинты пива на розлив, чаще всего Портера, отлично скрашивали их вечера. Она была ровесницей Эвана и

у неё были свои амбиции. Мэг не хотела быть обычной домохозяйкой. Она хотела попасть в университет на факультет банковского дела, по окончании которого, для неё бы была открыта дорога в любой банк – её мечтой была работа банковской служащей, хоть и родители были против такого и считали, что девушке вряд ли удастся там пробиться дальше должности обычной секретарши. Эван также был в выпускном классе, и предполагал, что его будущее будет связано к стройке, где работал его отец, и Калёб. Но этого он хотел меньше всего – его мечтой было собрать свою музыкальную группу и для начала играть в местных пабах, на свадьбах, или школьных концертах, а потом, если им повезёт, их может заметить какой-нибудь продюсер. Об этой мечте знали только его друзья, с которыми он втайне от своей семьи играл в гараже Пола – друга, с которым он познакомился, когда тот подрабатывал уличным музыкантом. Он поделился своими планами с девушкой, и та с готовностью его поддержала и попросила привести её в этот гараж, где парни отработывали свои навыки игры на гитарах. Молодые люди часто гуляли по рощам или паркам потому, что водить Мэг в захудалые пабы Эван не хотел, а более приличные заведения ему были не по карману, и Мэг это быстро надоело. Ей хотелось сходить в кино, и они договорились, что Эван встретит её после уроков, и сводит на фильм «Моя первая леди», но девушка предупредила, что будет с подружкой, поэтому молодой человек позвал Ника.

Вскоре за воротами показалась Мэгги, на ней было скромное школьное платье, которое несмотря на то что оно было строгим, совсем не умоляло прелести её точёной фигурки. Она помахала Эвану рукой, улыбнулась, и только теперь мальчишки увидели девушку, во взгляде которой сквозила неприкрытая враждебность, направленная на них, которую Мэг взяла за руку и потащила к ребятам.

– Привет Эв, – она обняла молодого человека и поцеловала в щеку.

– Привет Мэг, знакомься, – это мой друг, Ник. – Мэгги подала ему руку.

– Очень приятно, – в один голос сказали Ник и Мэгги и улыбнулись друг другу.

– А это Бет, – Мэг указала на подругу, которая оценивающе скользко окинула ребят взглядом, что они почти что мгновенно почувствовали стену отчуждения, закатила глаза и, словно сделав им огромное одолжение, проскрежетала «Привет».

– Мы взяли билеты на последний ряд, – Эван показал билеты девочкам, и Мэг положила их себе в сумочку для сохранности.

– Ну что, выдвигаемся в «Томас и Харди»?

– Не так быстро! – Ника оборвал резкий голос парня, который всё это время с тремя друзьями косился на ребят, он был ниже их на голову, но по его наглому, властному выражению лица, можно было понять, что главный у них именно он. Эван с Мэг и Бет, казалось, их совсем не замечали, а вот Ник сразу смекнул, что пора закругляться и как можно скорее идти в кино.

Эван вопросительно посмотрел на группу старшеклассников, которые явно не с самыми лучшими намерениями подошли к ним.

– Ронни, оставь нас! – в словах Мэг скорее была мольба, чем отпор, она поняла, что сейчас будет стычка и ничем хорошим это не закончится.

Рон проигнорировал девушку, и в упор посмотрел прямо на Эвана.

– Мэгги – моя девчонка, а ты, отброс, катись обратно в свой бомжатник.

– Чё' эт' за кретин? – фыркнул Эван. – Твоя девчонка? Извини, дорогуша, но поезд уже ушёл, – и Эван обратился уже к девушкам и взял Мэгги за руку. – Нам пора идти.

Рон не ожидал, что ему даст отпор какой-то Кин-Дин и как баран несколько секунд смотрел на ребят. Парни, которые были рядом с ним, присвистнули и ждали, дальнейшего развития событий. В Роне вскипела не дюжая ярость, и он резким движением развернул Эвана к себе лицом. Ник уже чётко осознал, что драки им вряд ли удастся избежать, и что ни о каком

фильме теперь уже речи не идёт. Молодой человек начал мысленно прикидывать, что этих троих он спокойно может взять на себя, а Эвану придётся драться с Роном.

– Ты, наверное, что-то не понял нищерброд. Уноси ноги, пока я даю тебе такую возможность.

Но Эван был не из робких, он одним махом вывернул руку Рону, его друзья в ступоре замерли, не зная, что им делать, девочки ахнули.

– Не надо Эван! – крикнула Мэг, но парень будто бы и не слышал её, он сосредоточился на Роне и произнёс:

– Вот как мы поступим: вы, ублюдки, сейчас же валите отсюда, и тогда ваши богатенькие задницы останутся целы, в противном случае вы здорово огребёте. Ты понял меня?

Настала оглушительная тишина, Ник встал рядом с Эваном потому, что не знал, что случится дальше, наверное, он готовился к тому, что друзья Рона нападут. *«Они будто только и ждут приказа своего командира»* – подумал Ник, и одно только слово «командир» всколыхнуло в нём старые воспоминания, которые за годы успели притупиться, но сейчас навалились с новой силой.

Рон кивнул головой, и Ник уже подумал, что их пронесло. Эван отпустил его, но сделал огромный промах, повернувшись спиной к противнику, и тот не стал мешкать, он кинулся на него сзади и сшиб с ног.

– Ты нарвался отброс! – взревел Рон, навалившись сверху на Эвана.

– Это ты нарвался недомерок, – угрожающе воскликнул Ник и ударил парня ногой по рёбрам, и тот повалился набок. – Вставай Эв! – успел крикнуть он, и друзья Рона, как по команде, тут же набросились на Ника.

– Пожалуйста, прекратите! – закричала Мэг.

Ник же, казалось, легко справляется с тройкой парней, он скорее больше защищался, чтобы измотать противника, а если и наносил удары, то настолько метко, что парни после них еле вставали на ноги.

– Не лезь Мэг, – крикнул Рон в ответ.

– Не указывай моей девушке, урод! – Эван врезал ему по зубам, тот замычал от боли и плюнул в парня кровью.

– Мэгги пойдём отсюда! Бет схватила подругу за руку, но Мэг словно приросла к месту. Вокруг уже начали собираться люди, в основном персонал школьной кухни, дверь которой выходила на задний двор школы. Большую часть персонала составляли женщины, поэтому, когда девочка стала кричать, чтобы их кто-нибудь разнял, никто не хотел лезть в эту разборку. Мэгги была настолько напугана, что не знала, что ей делать. – Пойдём же Мэг! – затрясла её, पुще прежнего, подруга.

– Она не твоя девушка, – ухмыльнулся Рон. – Единственное из-за чего Мэг может тусоваться с таким, как ты, так это из жалости. Вскоре она тебя бросит, потому что ты никто, жалкий Кин-Дин. – Рон повернул голову и увидел, как Мэг и Бет убегают. – Но я даже не предполагал, что это случится так скоро. – Эван тоже повернул голову и увидел где-то вдалеке темно-синюю школьную форму Мэг. И тут ему прилетело в глаз, Рон спихнул его с себя и начал бить ногами.

– Вставай и дерись Эв! – крикнул ему Ник. – Ты же Беннет, возьми себя в руки!

Как ни странно, это отрезвляюще подействовало на парня, он несколько раз перекатился, вскочил на ноги и кинулся на противника с новой силой, Эван дал Рону ногой в живот, повалил на землю и также принялся бить его ногами, но тут его сшибли с ног.

– Ты что творишь сопляк?! – взревел мужчина. Это оказался отец Рона, драка прекратилась тут же, и молодые люди начали искать пути отступления. Через дорогу к ним бежало два констебля, которые патрулировали район, и завидев драку, сразу отреагировали на нарушителей.

Началась суматоха, мистер Шоу, так звали отца Рона, вместе с сыном и его друзьями обвиняли Ника и Эвана в нападении, ребята пытались объяснить, что это неправда, что первым напал Рон, но безрезультатно. Полицейские были готовы поверить скорее Мистеру Шоу, чем двум парням из Юртон, на них надели наручники и повезли в участок.

* * *

Когда позвонили из участка в дом Беннетов, Рейчел занималась глажкой, напевая себе под нос, и, к счастью, трубку взяла Эмма. Как только девушка осознала, что ей и правда звонят из полиции, что это ни чья-то глупая шутка, она отвернулась от матери, чтобы та не заметила, как побледнело её лицо. Она старалась говорить, как можно тише, и отвечать на вопросы односложно либо «Да», либо «Нет». Когда разговор был окончен, и девушка повесила трубку, ей нужно было перевести дух, она села на диван, мысли лихорадочно неслись у неё в голове, ей нужно было действовать сейчас же, незамедлительно, и Эмма приняла решение скрыть от матери то, что случилось, хотя бы на время, и самой поехать в участок.

– Доча, кто звонил? – нараспев спросила Рейчел, продолжая также гладить. Вопрос выдернул Эмму из вихря мыслей, и заставил принять безмятежное, будничное выражение лица.

– Эт' Джеки. Сказала, что хочет свидеться, – девушка даже попыталась улыбнуться, и, скорее всего, у неё это плохо получилось потому, что Рейчел вскинула одну бровь. – Ты слышала? Тя', кажись', па звал. Может, с па чё'? Давай я доглажу, а ты сходи посмотри.

– Странно. Я ни чё не слыхала, поди с возрастом глохнуть начала, – миссис Беннет поставила утюг и бодрым шагом поднялась по лестнице, причитая о том, что ей пора наведаться к врачу, и что возможно у неё пробки в ушах.

Как только Рейчел скрылась на втором этаже, Эмма молниеносно выключила утюг, побежала к комоду, где хранились документы, схватила своё удостоверение личности и брата, положила их в сумку и выбежала на улицу. Она взяла свой старенький велосипед, который достался ей ещё от Харви, и принялась крутить педали в бешеном ритме. *«Арестован за умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью. Это какая-то чудовищная ошибка! Боже, что теперь будет? Суд? Господи, родители этого не вынесут».*

Девушка проехала больше пяти миль и остановилась около участка № 347. Заставить зайти себя в здание было сложно, Эмма боялась увидеть брата за решёткой, боялась того, что ей сейчас придётся услышать. В глубине души она надеялась всё же, что произошла какая-то путаница, что с Эваном всё в порядке. *«Надо взять себя в руки! Давай же! В любом случае ты должна туда зайти».*

– Девушка, вы по какому вопросу?

– Мне позвонили из участка, я сестра Эвана Беннета – Эмма Беннет, – Эмма показала своё удостоверение личности, и молодой констебль проводил её вглубь коридора, сообщив, что её через несколько минут вызовут.

Хоть там и была лавочка, Эмма не могла спокойно сидеть, минут десять она ходила взад-вперёд мимо кабинета. Наконец дверь отворилась, и девушку пригласили в комнату для допроса. Там сидел мужчина, который с крайним остервенением, стиснув зубы, писал заявление. Первым делом старший офицер спросил Эмму, почему пришла она, а не родители, так как Эван будет проходить по делам несовершеннолетних, явка родителей обязательна. Девушка ответила, что мама ушла навестить родственников в Гретни, а папа инвалид – он бы не смог прийти. Констебль всё фиксировал на бумаге.

– Ясно, – сухо сказал офицер и хотел продолжить допрос, но Эмма прерывала его.

– Неужели нельзя обойтись без суда?! Это же обычная драка. Разве нельзя всё это решить мирно?

В Нордсайте драки, уличные потасовки, свары были действительно обычным делом. Мужья частенько били своих жён, и те никому не жаловались, бывали драки и между женщинами, а уж между мужчинами... И никто не шёл в полицию писать заявление, обычно полицейские просто разнимали дерущихся и на этом всё заканчивалось. Все считали, что от «копов» нельзя ждать ничего хорошего».

– Обычная драка?! – подал голос мужчина, писавший заявление. Он явно был крайне раздражён последними словами девушки, и, повернув голову на Эмму, он с такой ненавистью на неё посмотрел, что девушка растерялась и опустила голову. – Я не удивлён, что для такого отребья как Кин-Дин драка – это повседневность. – Эмма задохнулась от возмущения и даже не могла ничего ответить потому, что до этого момента ей не приходилось выслушивать подобного рода оскорбления. И девушка только и могла, что оторопело смотреть на лысеющего крупного мужчину, который явно не собирался останавливать свой поток слов. – Ваш брат сломал моему сыну два рёбра и к тому же у него вывих челюсти, и ваш ублюдок ответит...

– Если ваш сын такой же кретин, как вы, то её брат правильно сделал, – в комнату для допроса зашла молодая женщина и своим тоном, преисполненным ледяного спокойствия, осадил мужчину. Она с равнодушным лицом села рядом с Эммой, которая не переставала смотреть на эту смелую женщину во все глаза. На ней была плотно прилегающая к телу голубая рубашка с причудливым узором, А-образная юбка более спокойного бежевого цвета чуть выше колена, красивые ажурные чулки подчёркивали стройность её ног, а в качестве обуви женщина выбрала удобные сандалии Беркенстак. Соломенного цвета волосы были уложены в пышную причёску, где кудри как бы ложились на щёки, что придавало её лицу схожесть с кукольным, но это не портило её, а выглядело довольно-таки мило и естественно. Эмме сначала показалось, что женщина старше её может года на два или три, но при детальном рассмотрении, девушка разглядела какое у неё было непроницаемое, даже суровое лицо, глаза выдавали усталость, в них не было того огня, что так присущ молодым. Она определённо была старше, и Эмма живо заинтересовалась сколько же ей на самом деле лет.

– А ты ещё кто такая? – взревел мистер Шоу.

– Я буду отвечать на вопросы полицейских – не на ваши, – всё тем же спокойным голосом сказала Уэнди, даже не повернув на мужчину голову.

Видимо, мистер Шоу хотел ещё много чего сказать, он побагровел от злости, и уже открыл было рот, но на помощь пришёл офицер.

– Успокойтесь мистер Шоу, – гаркнул мужчина. – Вы дописали своё заявление?

– Держите, – мужчина сунул заявление полицейскому, демонстративно при этом хлопнув ладонью по столу, но офицер, казалось, этого и не заметил.

– На этом пока всё. Судмедэксперт пришлёт нам своё заключение, и мы подошьём его к делу. Сейчас вам нужно подготовить обвинительную часть, так что свяжитесь со своим адвокатом. Можете быть свободны, – с расстановкой сказал офицер, и мистеру Шоу пришлось повиноваться. Он злобно посмотрел и на офицера, и на констебля, который, не отрываясь всё это время, записывал весь разговор, перевёл взгляд на Эмму и остановился на Уэнди.

– До встречи на суде, – сдавленно произнёс он, и бормоча что-то про чёртовых Кин-Дин, пошёл на выход. И только, когда он вышел, молодая женщина заговорила:

– Меня зовут Уэнди Джонс – я тётя и бывший опекун Ника Андерсона.

– Ник Андерсон... – задумчиво произнёс мужчина. – Ваш парень нанёс только лёгкий вред здоровью трём молодым людям.

– То есть они втроём напали на него? – глаза Уэнди гневно блеснули.

– Мы пока точно не установили, кто на кого напал, но проблема в том, что Ник уже совершеннолетний, а молодые люди нет, и этим всё осложняется.

– Расскажите, что произошло, – подала голос Эмма, которая не могла больше оставаться в неведении.

– Я расскажу вам две версии произошедшего, – офицер налил себе стакан воды и сделал глоток. – По словам Рона Шоу, Эван и Ник домогались двух девушек Мэг Мастерсон и Бет Оклот. Они поджидали их около школы. Как только он и его друзья увидели это, то тут же подбежали, желая встать на защиту девушек, но Эван ударил Рона по лицу и завязалась драка. Когда подбежал мистер Шоу, Рон лежал на земле, а Эван бил его ногами. – Эмма прикрыла рот ладонью, часто задышала, казалось, вот-вот девушка разразится в истерике, поэтому Уэнди тут же спросила.

– А вторая версия?

– Вторая – это то, что рассказали мне Эван и Ник. Они ждали девочек из школы, чтобы пойти на фильм «Моя первая леди». Билетов при нём мы не нашли, но по словам Эвана, он отдал их Мэг, и та положила их в сумочку. Они собирались уже пойти на фильм, как к ним подошёл Рон с друзьями и принялся оскорблять Эвана, после чего тот вывернул ему руку и сказал им убираться. Рон согласился, но, как только Эв повернулся, тот повалил его на землю, – офицер достал сигарету, прикурил и выдохнул через нос дым. – Остальное у обеих сторон сходится.

– Так, нужно опросить этих девочек.

– Им уже позвонили из участка и вызвали как свидетельниц.

– Я уверена, они подтвердят, что Эв и Ник не виновны, – Эмма скорее пыталась убедить в этом себя, она отрешённо смотрела куда-то на стол и дёргала свой заусенец на указательном пальце правой руки.

– Офицер скажите пожалуйста, что им будет за это? Их же не посадят в тюрьму?

– Это зависит от показаний свидетелей, оттого, насколько хорошо будет выстроена линия обвинения и линия защиты. В вашем случае, – он посмотрел на Уэнди, – ввиду того, что был нанесён лишь лёгкий вред здоровью и того, что он совершеннолетний – это четыре – шесть месяцев исправительных работ, либо арест на такой же срок. А вот в вашем... – офицер помолчал и глубоко затянулся – вред здоровью средней тяжести оценивается сроком лишения свободы до трёх лет.

Эмма опустила голову, в её глазах уже начали собираться слёзы, она не чувствовала злости, ей не хотелось кого-то в чём-то обвинять, она лишь чувствовала огромное отчаяние – эта ситуация вгоняла её в тупик, и её мозг лихорадочно искал из неё выход, но не находил. Уэнди видела, как волнуется девушка, и взяла её за руку. – Но это только в худшем случае. В лучшем – его могут посадить на полгода или так же, как и Нику назначить исправительные работы, и плюс к этому могут потребовать денежную компенсацию.

Дальше старший офицер приступил к опросу. Он попросил Эмму назвать домашний адрес, возраст, ближайших родственников, их род занятий. Он очень много спрашивал об Эване: бывали ли у него когда-нибудь вспышки ярости, склонен ли он к насилию, часто ли он дрался, какая атмосфера в семье, а уж к чему был вопрос о том, чем болел Эв в детстве, Эмма совсем не поняла. Девушке сказали, что она может быть свободна, но та сказала, что дождётся Уэнди, которую вслед за девушкой подвергли точно такому же допросу. По его окончании им разрешили пройти в камеру, где сидели Эван и Ник.

– Мы сможем забрать их сейчас? – Эмме уже не терпелось увидеть брата и привезти его домой, чтобы они вместе рассказали всё Рейчел. Девушка точно не хотела говорить всё матери сама. *«Ма, как пить дать, примется плакать, причитать, возмущаться, а мне придётся как-то успокаивать её, притом что мне самой нужна поддержка, а я даже не знаю, как справиться с эмоциями».*

– Вы, – он показал на Уэнди – можете забрать. Но что касается Эвана, за ним должен прийти один из родителей.

– Но почему я не могу его забрать. Я его сестра и...

– Потому что таков порядок, – отрезал офицер и, тщательно затушив сигарету, положил её в пепельницу.

«Порядок! – подумала про себя девушка и сморщилась, словно перед ней поставили ведро с червями. – *Какое идиотское слово. Прямо слух режет!*»

– Тогда Вы можете хотя бы не звонить к нам домой? – девушка умоляюще посмотрела на мужчину. – Я сама всё расскажу родителям.

Полицейский кивнул.

– Пройдёмте, – констебль, оторвался от своей тетради, посмотрел на женщин уставшим, отрешённым взглядом, кивнул, и они скорым шагом пошли за ним в камеру, где сидели обвиняемые. В коридоре они увидели двух девушек, которые сидели в креслах, дожидаясь, когда их вызовут. «*Это и есть те самые Мэг и Бет,* – подумала про себя Эмма. – *После того как я поговорю с Эваном, нужно узнать какие показания дали девочки.*»

Они зашли в грязную камеру, на лавочке, прислонившись к стене, сидели молодые люди.

– Эван! Ник! – как только, открылась дверь камеры, Эмма с Уэнди бросились к молодым людям.

– Слава богу эт' ты Эмма! – Эван подбежал к сестре, у той на глазах уже навернулись слёзы. – Прости, я и не думал, чем эт' могёт' обернуться.

– Уэнди, я... – Ник не успел договорить, Уэнди уже успела крепко сжать его в объятиях.

– Всё будет хорошо, Ник.

– Расскажите нам, как всё было на самом деле, – Эмма протёрла глаза и уставилась в потолок – обычно такой способ спасал от ненужных слёз. Ей нужно было услышать от брата и Ника правду, она не могла смириться с показаниями Рона и верила в лучшее.

Мальчишки начали рассказывать всё с самого начала, что Рон первый напал на Эвана, а его друзья набросились на Ника, что есть как минимум две свидетельницы – это Мэг и Бет – в общем, они повторили всё то же самое, что и говорил офицер.

– Ник, офицер сказал, что тем ребятам ты причинил только лёгкий вред здоровью, но так как ты совершеннолетний, тебя могут либо посадить на полгода, либо назначить исправительные работы на тот же срок.

– А мне? – Эван вопросительно смотрел на сестру, которая отвела взгляд и закусила губу. – Эмма, скажи!

– До трёх лет лишения свободы, – сдавленно произнесла сестра. Лицо Эвана будто застыло, он в панике заходил по комнате.

– Меня закроют на три года... Что же будет с родителями? – молодой человек сел и запустил руки в волосы. – Что нам делать?

– Но это только в худшем случае. Офицер сказал, что если Мэг и Бет подтвердят ваши показания, и если мы выстроим хорошую линию защиты, то шансы на успех будут значительно высоки, и тебе могут назначить исправительные работы.

– Вам нужен хороший адвокат, но я не смогу оплатить его, возможно, если мы сложимся... – Уэнди неуверенно глянула на Эмму, но та покачала головой.

– У моей семьи тож' немного денег, даже, если мы сложимся, на хорошего адвоката не хватит.

– Значит, мы можем рассчитывать только на государственного адвоката, – констатировал Ник, – наши дела плохи.

И тут Эмму, как громом поразило, мыли понеслись одна за другой, глаза забегали, и она поняла именно в эту секунду, что ей нужно сделать.

– Я знаю, кто может нам помочь! Надеюсь, сё' получится.

– О чём ты Эмма?

– Не сейчас. Эван – ты несовершеннолетний, поэтому сейчас я не смогу тя' забрать. Нужно рассказать сё' ма, и если получится, то отец ничё' не узнает – эт' могёт' его сильно

выбить из колеи. А теперь мне нужно идти, и я сделаю всё, что смогу, чтобы помочь вам. Приятно было познакомиться Уэнди, жаль, что при таких обстоятельствах, – протараторила девушка.

– Мне тоже детка, – немного удивлённая поведением Эммы, ответила Уэнди.

Девушка выбежала из камеры и столкнулась с офицером, который в это время рылся в бумагах.

– Вы опросили Мэг и Бет? – девушка так разволновалась, что вцепилась в рубашку офицера и не отпускала её, пока он ей не напомнил о субординации. Эмма, смутившись, выпустила из рук офицерскую рубашку и стояла в ожидании ответа.

– Пока процесс идёт.

– И что они говорят? – Эмме нужно было услышать что-то определённое, неизвестность её тяготила, давала ложные надежды и выбивала из колеи.

– Они подтверждают историю Рона Шоу, так что ваши дела плохи. В вашем случае вам поможет только хороший адвокат, который сможет скосить парням срок.

Теперь Эмма сама от себя требовала ещё большей стремительности, она должна была немедленно что-то предпринять, и выбежав из участка, девушка бросилась к велосипеду, доехала до ближайшей телефонной будки, нашла нужную фамилию в справочнике и позвонила по указанному номеру. Через полчаса она уже подъехала к дому Фанни Марш, бросила велосипед на лужайке перед домом и позвонила в звонок. Женщина открыла дверь и любезно, даже чересчур любезно, отчего девушку не покидало чувство липкости, окинув Эмму цепким взглядом, пригласила её войти. Питер также был тут, подле матери, они проводили девушку в гостиную.

– Питер принеси нам чаю, – повелительным тоном произнесла женщина и Питер пошёл на кухню. Глядя на них, можно было понять, кто в доме хозяин – такая сильная женщина как Фанни имела власть над молодым человеком, и он подчинялся её воле, желаниям и капризам. Но это не мешало ему вести разгульную жизнь, и, как правило, очередное гулянье заканчивалось скандалом.

Вскоре он вернулся с подносом, на котором он нёс три чашечки заранее заваренного чая, и прозрачную сахарницу. И когда все удобно устроились, Фанни заговорила о проблеме, про которую Эмма обмолвилась по телефону – она ничего не объяснила, сказала только, что в скором времени приедет.

– Так, чем же мы можем помочь тебе? – с натянутой хищной улыбкой спросила женщина.

– Помощь нужна моему брату Эвану, он подрался с мальчишкой и нанёс вред его здоровью, и его могут посадить в тюрьму на три года. – Эмма сделала глоток бергамотового чая, и это позволило ей говорить дальше. – Родители пока ни о чём не знают, я только что из участка, – Эмма так нервничала, что рука заходила ходуном, чай в чашке чуть ли не выплеснулся наружу. И девушка поспешила поставить чашку на столик.

– А от меня ты хочешь...

– Ему и Нику, другу Эвана, с которым они попали в переделку, нужен хороший адвокат, который грамотно выстроит линию защиты и сделает так, что мальчикам назначат исправительные работы, или, по крайней мере, не три года за решёткой.

– Обычно, в таких случаях могут потребовать денежную компенсацию, и суд вполне может удовлетворить это. – Подал голос Питер.

– То же самое мне сказал офицер, – кивнула Эмма. – По версии Рона Шоу, парнишки, с которым подрался Эв, мой брат и Ник помогали двух девушек, а Рон с его друзьями пошли их защищать, но в итоге Эван первым напал на ребят. Мой же брат говорит, что они заранее договорились встретиться с девушками и пойти на фильм, а те ребята прицепились к ним, а затем Рон первый на него напал.

– Что говорят эти девчонки? Их допросили?

– Да, – Эмма опустила глаза, – они подтвердили историю Рона.

Фанни прикрыла глаза и сделала пару глотков чая. Она наслаждалась этим моментом, теперь то уж она может диктовать свои условия и заставить Эмму выйти за Питера. Фанни тешила себя мыслью, что у неё появится невестка, которой можно будет помыкать в точности так же, как и её сыном, ей хотелось распространить свою власть на как можно большее количество людей, к тому же Эмма будет ей обязана, и она всегда сможет на это надавить.

– Что ж, конечно, я помогу, найму прекрасного адвоката, и если нужно, выплачу денежную компенсацию.

– Господи Фанни спасибо! – Эмма обрадовалась, но насторожилась, что-то в тоне женщины давало понять, что она окажет явно не безвозмездную помощь, а потребует что-то взамен.

– В случае если судебное разбирательство пройдет успешно, ты выйдешь за Питера, – с нескрываемой торжественностью в голосе произнесла женщина. Она хотела надавить на девушку и заставить принять её предложение.

– Что? Да это же... Как вы можете такое требовать от меня? – Эмма была поражена до такой степени, что еле могла говорить, она ожидала чего угодно, например, того, что после, Фанни потребует с них денег, которые ушли на адвоката и со временем семья Беннетов ей бы всё отдала, но это... Это слишком высокая цена...

– Подумай детка. Что будет с твоими родителями, когда посадят Эвана? – принялась окучивать девушку Фанни. – Твой отец, итак, сейчас не в лучшем состоянии, а это может его здорово подкосить, да и Рейчел тоже. Если потребуют денежную компенсацию, где твоя семья будет брать деньги? Я знаю о вашем денежном положении, большая часть денег уходит на уход за Джоном, к тому же сейчас для вас работает Калеб. – Фанни сделала паузу, так как видела, что Эмма что-то обдумывает в своей голове, и если сейчас напирать дальше, то многое может просто не дойти до сознания девушки.

Эмма подумала о Калебе: – *«Он всегда хотел быть фотографом и отказался от своей мечты ради моей, то есть нашей семьи. Он пожертвовал тем, что любит. С деньгами Фанни Калеб может быть свободным, а вот я...»*. Эмма не знала, что сказать на это. С одной стороны, она видела логику в словах Фанни и этот брак действительно мог решить многие проблемы, но с другой, одного взгляда на Питера было достаточно, чтобы понять, если она согласится, то счастлива уж точно никогда не будет.

Фанни видела, что девушка уже на грани того, чтобы согласиться на её предложение и сейчас мечется между тем, чтобы согласиться сразу или подумать ещё, поэтому женщина продолжила:

– Ты сейчас может здорово помочь своей семье: выгнать Эвана из тюрьмы, поправить финансовое положение, в конце концов, если ты согласишься – мы станем семьёй, и все денежные вопросы касательно содержания вашей семьи возьмём на себя мы, – закончила Фанни и осталась довольна. Она чувствовала, что девушка уже в её руках.

– Зачем вам это нужно? Почему вы так сильно хотите, чтобы именно я стала женой Питера? – предприняла Эмма последнюю попытку добиться от них хоть какого-то объяснения помешательства на ней.

– Ты Кин-Дин, как и я, к тому же Рейчел моя подруга, а я хочу хорошего будущего для её детей. И к тому же Питеру уже пора остепениться.

Такого объяснения Эмме вполне хватило. Питер всё это время молчал и ждал ответа Эммы. Для него сейчас тоже многое решалось, – он наконец-то сможет получить законную часть своего наследства и жить в удовольствие. Верным и любящим мужем он уж точно не собирался быть, как и работать – он хотел вложить деньги в игорный бизнес.

Перед глазами девушки стоял Эван в наручниках, Калеб, который попросту губил себя на стройке, её семья – мать и отец, которые пытаются держаться и последних сил, и не подавать вида, как им тяжело. И под этим натиском девушка сдалась.

– Хорошо, я выйду замуж за Питера, – упавшим голосом произнесла Эмма.

– Вот и отлично, – победно улыбнулась Фанни и потёрла руки, – нам нужно составить договор займа, поэтому сейчас мы поедem к нотариусу.

– Подождите, но я щас' не могу, мне нужно домой рассказать ма о случившемся, чтобы она забрала Эвана из тюрьмы. Мне не позволили его забрать.

– Хорошо, тогда приходи к нам после того, как вы заберёте Эвана. Я пока позвоню в нотариальную контору.

Эмма на подкошенных ногах вышла из их дома. Даже проблемы брата сейчас ушли на второй план, она думала о предстоящем замужестве с содроганием. *«Боже, почему это вообще произошло? Неужели я и правда выйду за Питера?»* – ей хотелось кричать, топтать ногами, кататься по земле, но она не могла себе этого позволить. Поэтому она попыталась взять себя в руки и сосредоточиться на том, как рассказать всё матери, и как сделать так, чтоб она не потревожила отца, по крайней мере, пока. Эмма крутила педали так быстро, что, казалось, он вот-вот отвалиться, на улице начался настоящий ливень и все жители решили спрятаться по домам. Девушка ехала по пустынным улицам и плакала в голос, слёзы застилали ей глаза, и она несколько раз чуть ли не упала в грязь. Но, слава богу, всё обошлось, и она благополучно добралась до дома.

Глава 6

Зима 1961

После того как Донован отсидел в застенке, и пока ещё не отправили туда Тео, он следил за ребятами, изучал их, старался подметить всё, что можно и найти их слабые места. Для начала он планировал избавиться от Генри на несколько дней для того, чтобы заняться Ником и Оливером. *«Без Чудилы она лёгкая мишень. Убрав Генри на некоторое время, я уж постараюсь подпортить этим говнюкам жизнь. Его изоляция может их здорово подкосить. Только как это сделать?»*. Случай ему скоро представился. В столовой Донован видел, как Нэнси достаёт фотографию из пианино, и когда она ушла, парень нашёл её, но брать не стал. Он решил выждать и придумать, как отравить жизнь Оливеру и Нику, потому как насчёт брата и сестры у него уже созрел план. Он смекнул, что, если отнести её Киллигану, то у Генри и Нэнси точно будут проблемы, также Донован был достаточно смышлёным, чтобы понять, что брат с сестрой не те, за кого себя выдают.

Помимо фотографии отца Тео и Габби, он заметил, как однажды на прогулке у Ника из куртки выпал синий карандаш, правда, мальчик этого не заметил, он тогда спешил к друзьям, которые собрались на Пятачке. Мальчик задержался из-за того, что рисовал очередной рисунок, и не мог успокоиться, пока не дорисует – это своего рода был отчёт о недавних событиях, и на уже оконченном рисунке был изображён Оливер, вонзающий в ногу Донована стержень. Это был только один из рисунков цикла «Битва на Пятачке». Однако Донован, не прекращающий следить за каждым из ребят, заметил и подобрал выпавший карандаш. Цветные карандаши были ещё той редкостью. *«У жирдяя должна быть какая-нибудь тетрадь, – догадался парень, – где он делает наброски и рисунки, а может, их даже и несколько. Карандаши он носит с собой, но тетрадь... Если брать её на улицу она отсыреет, скорее всего, она лежит где-то у него в кровати»*. Он заранее обыскал кровать и куртку мальчика, пока в комнате не было ни души – все были на работах. Сам Донован пока не работал, так как после его пребывания в застенке, и из-за травмы ноги его освободили от обязанностей на неделю. И эту неделю он явно провёл с пользой. В куртке Ника он нашёл карандаши, перевязанные резинкой, а тщательно обследовав кровать, нашёл тетрадь в твёрдой обложке подписанную, как «История жизни Ника Андерсона и его друзей» с рисунками и набросками – это были главные драгоценности мальчика, которыми он дорожил, наверное, больше жизни. В тетради он запечатлевал то, что считал для себя важным.

Ник был словно летописец, который писал историю приюта, его самого и своих друзей при помощи рисунков. Это были и комичные карикатуры на Сэма, мистера Киллигана, где Сэм предстал в образе огромного жирного бора с лицом воспитателя, а мистер Киллиган в образе курицы. Он нарисовал, что ему отрубили голову и она покатила по дороге, а из шеи брызгал фонтан крови. На следующем рисунке тело носилось по двору, а голова, скривившись в гримасе боли и ярости что-то вопила. На бывших командиров также были созданы карикатуры, где Донован отчётливо узнал самого себя, Тома и Шкафа. Эти рисунки были со всякими гнусными подписями типа *«эти гондоны получают своё»*, *«чёртовы отморозки – сдохните»* или *«Том, о наш Бог – поймей нас в задницу»* – эта подпись была сделана под рисунком, на котором Шкаф и Донован стояли на коленях перед Томом и поклонялись ему. Пролистывая тетрадь, у парня начали трястись руки, его лицо перекосило от злости, и можно было дать руку на отсечение, что в ту минуту его разум немного помутился, и какая-то неведомая волна сумасшествия накатила на него, что выражалось в его взгляде, словно окутанным поволокой, и источающим убийственный ненормальный отблеск. Пялясь уже несколько минут только на один рисунок, на котором был изображён он и его бывшие друзья, в конечном счёте Донован нервно рассмеялся. Он пролистнул на несколько рисунков обратно и, всматриваясь на карикатуры директора, одна

мысль блеснула в его голове – если до этого он хотел уничтожить эту тетрадь и карандаши, например, сжечь их, или порвать, то теперь он желал большего – не просто, чтобы Ника грызла боль из-за потери своей тетради. *«Этот жирный урод заплатится, – с ненавистью прошептал Донован. – Я покажу эти карикатуры Киллигану, и, думаю, наказание будет незамедлительным»* – парень улыбнулся блаженной улыбкой, предвкушая сладкий вкус мести.

В дневнике Ника также были рисунки его друзей по отдельности и вместе, он писал жизнь приюта – его ветхость, скучные уроки, как одни ребята гоняют других, как они тяжело трудятся, но не всё было покрыто мраком, в этих рисунках была радость прогулок с друзьями, на многих рисунках присутствовал образ доброй милой медсестры. Были там и сцены абсолютно ужасные – то, как Ника и Оливера бывшие шестёрки командиров привязывают к дереву и избивают палками, то, как Генри, сидя в подвале, убивает крыс, как друзей, привязанных к позорному столбу, бьют кнутом до полусмерти. Но были также трогательные сцены, например, как они справляли день рождения Генри, а позже Рождество. Юный художник написал целую серию картин о прощании с Джейн, а также рисовал совсем недавние события: как командиры удерживают Габби и угрожают ей ножом, то, как ребята одерживают над командирами верх. Один рисунок больше других разозлил Донована – когда Оливер воткнул ему стержень в ногу, к тому же это была карикатура, где Донован выставлялся на посмешище. Это был своего рода личный дневник, где вместо записей были рисунки обычным карандашом, зарисовки и наброски. Ник показывал друзьям этот дневник и говорил, что это их история, что это самый настоящий путеводитель по их жизни в приюте. И Доновану не терпелось растоптать, уничтожить их историю и тем самым будто вырвать часть души у мальчишки. Но он оставил дневник лежать до лучших времён, ведь оставался ещё Оливер. В его голове уже начал складываться план возмездия, и Донован должен был в срочном порядке перенести его на бумагу – так ему легче было думать. Он отправился в свою комнату, переписал все свои соображения, и стал думать над мстостью Оливеру.

Парень краем ухом слышал, что Киллиган уезжает сегодня на четыре дня, и Донован начал как можно быстрее соображать, когда лучше рассказать ему про фотографию. Времени терять он не хотел, и когда мужчина вышел из кабинета, парень, подкараулив его за углом, решился на то, чтобы показать ему секрет Генри и Нэнси, даже несмотря на то, что он не придумал ещё, что делать с Оливером. Донован прошёл вместе с директором в столовую, открыл ту самую клавишу соль-диез второй октавы, и извлёк оттуда фотографию. Когда Киллиган посмотрел на неё – его глаза заблестели, он начал смеяться немного истеричным смехом, и сказал Доновану, что он на месяц освобождается от всяких работ в приюте. Мужчина схватил фотографию и с жадностью начал её изучать, и по его лицу парень понял, что всё сделал правильно, и Киллиган обязательно докопается до правды, чем создаст этим двоим огромную проблему.

«Скорее всего, Киллиган за эти четыре дня соберёт нужную информацию и даст знать об этом тому мужику, который вечно к ним приезжает. А уж реакция Генри не заставит долго ждать – у него горячая голова, но он не дурак. Он смекнёт, что это я отдал фотографию директору, и придёт за мной. А я уж постараюсь сделать так, чтоб его засадили в застенки. А пока он будет там сидеть, я отомщу жирдяю. Он будет раздавлен, и это, конечно, самое малое, что я могу сделать, чтобы отомстить за смерть Тома и слетевшего с катушек Шкафа, но это хоть что-то».

Донован был преисполнен желанием мести, и чтобы упорядочить свои мысли он снова поплёлся уже на родной этаж, писать окончательный вариант плана.

И как ни странно, парень всё правильно рассчитал, и всё прошло как по маслу. Генри ворвался в комнату и кинулся на него, порядком избив, но для Донована это были мелочи, главное, что Сэм отправил его в застенки. А какое он получил наслаждение, когда услышал подтверждение из уст самого Генри о том, что детишки теперь в полном дерьме, – он чуть ли

не впал в экстаз. И даже если бы Генри сдержался, или что-то пошло не по плану и ему не удалось досадить Чудиле, он бы привёл в действие свой план мщения Нику и позже придумал что-то с Оливером, а с Генри разобрался бы потом. Но всё произошло как нельзя лучше.

После того как Тео посадили, на следующий день, когда в общей комнате никого не было, потому что все были на занятиях, Донован выдрал из дневника все листы, и в обложку, которая была подписана Ником, вложил его рисунки с карикатурами мистера Киллигана и Сэма. Сам он не пошёл на занятия, сославшись на то, что его то и дело тошнит. Затем он взял железное ведро для мойки полов, досуха его вытер и поджог все листы, оставив лишь некоторые наполовину нетронутыми, это ведро он поставил на кровать Ника, предварительно перевернув. Донован решил устроить эдакий сюрприз, и, когда мальчик поднял бы ведро, из него посыпался бы пепел, и несколько обугленных листочков, на которых ещё можно было что-то различить. Карандаши же он жечь не стал, просто выбросил в дыру сливного отверстия.

И, прежде чем идти к кабинету Киллигана, так ничего толком и не придумав насчёт мести Оливеру, он поплёлся к Уэнди, чтобы она перевязала ему ногу. Парень только хотел взяться за ручку, но услышал в кабинете голос Киллигана и насторожился. Он незаметно приоткрыл дверь и увидел, как директор властно, будто свою собственность держит Уэнди за локоть, и из его уст выползают настолько похабные вещи, что это резало слух даже Доновану. Доктор Стэнфорд же уехал в город за медикаментами, к огромному несчастью медсестры. Уэнди одёргивала свободной рукой свою сестринскую форму. *«Так они трахаются, – парень готов был кричать от восторга, – педику Олли от такого крышу снесёт»*. Теперь план в его голове сложился в отчётливую картинку. Уэнди спросила, приходит ли ей сегодня, на что директор ответил: *«Придёшь, как обычно, в одиннадцать»*. Счастью Донована не было предела – он намеривался обо всём рассказать Оливеру, и если он пойдёт к комнате Киллигана и сам всё услышит, а может, даже и увидит – его душа просто вывернется наизнанку. От радости он вприпрыжку поскакал к кабинету директора, остальные воспитанники на него оглядывались, а кто-то даже покрутил у виска, но Доновану было плевать. Он подsunул под дверь тетрадь Ника с рисунками, выставяющими Киллигана на посмешище, и теперь ему просто оставалось наблюдать за происходящим.

Когда Ник с Оливером на перемене зашли в комнату, то увидели, стоящее на кровати Ника ведро.

– Какого чёрта? – воскликнул Ник. – Это чья работа?

Воспитанники посмотрели с удивлением на мальчишек и заверили их, что они не имеют к этому ведру никакого отношения.

– Там что-то определённо есть внутри, – с задумчивым видом произнёс Оливер, и тут-то в душе Ника зародилась паника. – Давай снимем его.

Мальчик лишь кивнул, он чувствовал, что ничего хорошего там не увидит, и пока Ник стоял и гипнотизировал это ведро, Оливер поднял его. По всей кровати разметался пепел, и обгоревшие рисунки Ника.

– Твою мать! – только и сумел воскликнуть Оливер. – Это же...

– Мои рисунки, – упавшим голосом произнёс друг, он был в состоянии шока – всё, что он с такой любовью рисовал долгие месяцы, что берёг как зеницу ока, то, что было его детищем, теперь превратилось лишь в пепел. – Это он! Он это сделал! – взревел Ник, до этого момента в его душе ещё не гнездились столько ненависти, какую он испытывал в эти минуты. Он взял в руки этот пепел, обгоревшие обрывки рисунков и на глазах навернулись слёзы, и вот спустя несколько секунд он разразился воплем, упал на эту кровать и зарыдал. Все молчали. Никто не посмел над ним смеяться потому, что почти всем в комнате было знакомо чувство потери. Донован всё это время стоял в коридоре и, слыша эти крики отчаяния, неимоверно гордился собой, вопли были словно бальзам для его ушей. Оливер сел рядом и стиснул руку друга.

– Мы отомстим ему, Ник. Он поплатится за то, что сделал и...

Оливер не смог договорить, в комнату ворвался мистер Киллиган.

Он стремительно, несмотря на свою хромоту, поднялся на этаж, его лицо выражало лютую злобу, глаза застилал непроницаемый туман ненависти и жажды возмездия, его рот искривился под невообразимым углом, и все воспитанники в страхе смолкли и замерли – они старались даже не дышать, чтоб не навлечь на себя гнев мистера Киллигана, только Ник тихонько продолжал всхлипывать. Мужчина озибался в поисках кого-то, а вслед за ним в дверях показался потный раскрасневшийся Сэм, он еле поспевал за директором и, казалось, сейчас рухнет. Тут директор увидел мальчишку и прямоком двинулся к нему, он был в таком бешенстве, что ударил бы любого, кто попался ему под руку, но воспитанники стояли смирно. Киллигана немного удивило то, что кровать мальчика вся выпачкана, и он лежит на этой гряде пепла и прикрывает рот, чтобы заглушить рыдания, но его это абсолютно не тронуло, директор был преисполнен желанием как следует выдрать Ника, чтобы раз и навсегда отбить у него охоту рисовать хоть что-то.

Он подошёл к мальчику и со всей силы ударил его тростью по спине. Ник взвизгнул от неожиданности и даже перестал плакать. Ник ошеломлённо смотрел на мистера Киллигана во все глаза, и не мог понять, в чём он провинился.

– Быстро поднимайся недоносок! Грёбанный выблядок! Живо ко мне в кабинет! – обезумев закричал директор. От его крика всё зажмурилась, будто это сейчас их ударили не за что, и теперь хотят отвести в кабинет, чтобы покарать. Ник сел на кровать в каком-то ступоре, как будто смысл слов Киллигана не дошёл до его сознания. Тогда директор замахнулся на мальчишку ещё раз, но Оливер встал между ним и другом, и удар пришёлся по его плечу.

– Что вы делаете? – обрёл дар речи Оливер после того, как прикусив губу до крови, справился с болью. – За что вы его?

Казалось, директор сейчас просто взорвётся, он крикнул фальцетом Сэма, и тот тут же сгрёб мальчишку в охапку и прижал спиной к себе, что доставило ему особое удовольствие. Оливер, ощущая на себе это грязное липкое тело, отдававшее смрадом, чуть ли не задохнулся от омерзения. Он живо вспомнил ту ночь в подвале, как Сэм стоял над ним и расстёгивал ширинку своих штанов, и характерные хрипы начали выходить из его горла, и мальчик часто задыхался, чтобы предотвратить приступ астмы.

– Мистер Киллиган, сэр, я ничего не сделал, – начал было оправдываться Ник, сам не понимая за что, и на глазах его снова выступили слёзы.

– Не смей реветь мелкий ублюдок, – Киллиган ударил мальчишку по лицу, но тот, стиснув зубы, сдержал крик. – Я сказал, встал сейчас же!

И Ник повиновался, ему было до того страшно, что он был готов выполнить что угодно, только бы этот кошмар закончился, он встал и подталкиваемый тростью, вышел из комнаты. Сэм расцепил свои тесные объятия и швырнул Оливера к его огромному облегчению на пол. Затем тоже вышел и пошёл помогать директору творить самосуд. Воспитанники тут же начали галдеть – каждый строил свои догадки насчёт того, что же такого мог устроить Ник, но Оливер, же не теряя ни минуты, проследовал вслед за Сэмом, который вышел на улицу и велел Стену не выпускать детей на улицу.

Мальчику не удалось пройти мимо Стена, к тому же окно в туалете давно заделали и на улицу просто так было не выбраться, поэтому Оливер припал к окну в холле и через тонкие деревянные окна смотрел, как директор на морозе допрашивал Ника, которого на улицу выгнали без верхней одежды, и смутно слышал обрывки фраз типа «паршивый ублюдок», «тебе бы пальцы поотрывать», «у тебя отобьёт это всякую охоту малевать подобную херню». Оливер смекнул, что директор ведёт речь о рисунках друга. *«Чёрт! Ему подсунили рисунки Ника с карикатурами на него самого, – Оливер с досады дёрнул себя за волосы и потёр переносицу. – Киллиган в ярости. Что он с ним сделает?»* Он увидел, как Ника заставили снять свитер, и он остался в одной майке. Сэм поставил его на колени спиной к директору. От нереальности

происходящего у Оливера по телу поползли мурашки, он прирос к окну не в силах закричать или позвать на помощь, и только когда Киллиган занёс свою трость, и она опустилась на спину друга, Оливер закричал вместе с Ником, как будто на него самого сейчас обрушился удар. Директор набирал обороты, видимо, ему доставляло огромное удовольствие мучить мальчика. Оливер хотел быть там с ним рядом. С самого начала все горести, побои и издевательства они терпели всегда вместе и никогда по отдельности. Мальчик забарабанил в окно, его обуяло отчаяние, страх за друга и бешеная злоба на директора и воспитателя. Он порывался пробежать через вахту мимо Стена на улицу. Но вахтёр взял его за ухо и принялся орать, что он нарушает дисциплину в приюте. Оливер брыкался, пытался освободиться, но всё без толку. Донован же всё это время наблюдавший за развитием ситуации чуть ли не приплясывал в порыве тупой радости. *«Отличное представление! Так этому жизнтресту и надо. Ты ещё не знаешь педик, какой сюрприз ждёт тебя»*. Оливер только сейчас его увидел, собрал всю свою ненависть и зыркнул на парня, но это его только больше развеселило. Крики на улице так и не умолкали, и Оливер ничего не мог с этим поделать, он чувствовал себя бесполезным и слабым ребёнком, который неспособен ничегошеньки сделать для друга. Стен хотел было выгнать его на лестничную клетку, но к нему подросла Уэнди.

– Что происходит?

– Да вот, мальчуган ломится на улицу, чуть окно не разбил, да ещё пытается со мной драться, вон как укусил мелкий выродок! – Стен с готовностью изливал бы свои чувства по поводу этой ситуации ещё долгое время, но Уэнди не дала ему такой возможности.

– Отпустите его, – от ледяного тона медсестры Стен даже немного опешил.

– Но он, – начал было старик, но Уэнди перебила его.

– Я сказала сейчас же! – Стен нехотя отпустил Оливера и злобно покосился на женщину. – Оливер, что случилось? – обратилась Уэнди к мальчику и взяла его за плечи.

– Там на улице Ник без одежды. Его избивает Киллиган. Он... он видел... – в панике Оливер просто не стал вдаваться в подробности и сразу сплеча запинаясь сказал о самом главном.

Уэнди припала к окну и увидела, что Ник лежит на грязном снегу, поджав под себя ноги, а Киллиган, закончив с его спиной, принялся бить его по рукам. Женщина так и отпрянула от окна и устремилась на выход вместе с Оливером. Стен попытался их остановить, но она дала такой отпор мужчине, что тот сел на свой стул и больше не произнёс ни слова.

Они выбежали на улицу, и Уэнди тут же налетела на директора.

– Прекратите сейчас же! Вы с ума сошли? Оставьте его немедленно мистер Киллиган! – такой смелой и разъярённой Уэнди не видел никто. На её глазах ненавистный ей мужчина избивал её ребёнка, ведь к Нику, Оливеру, Генри и Нэнси, она относилась так, как если бы это были её дети. Ник лежал на снегу, тихонько постанывал и дрожал.

Рука директора застыла в воздухе, никогда ещё эта женщина не разговаривала с ним подобным тоном, и после того как первый приступ удивления прошёл, он подошёл к Уэнди вплотную и уставился на неё своими маленькими злобными глазками.

– Да как ты разговариваешь со мной! – разозлился Киллиган и уже было замахнулся на Уэнди, и та, закрыв глаза, готова была принять удар, но его не последовало. Оливер не придумал ничего лучше, как кинуть комком в голову директора, и секундная радость оттого, что он всё-таки попал, обернулась впоследствии для мальчика огромной проблемой. Этим он только усугубил ситуацию, но он не мог позволить, чтобы этот садист ударил Уэнди.

– Так ты, значит, защитник, да? – угрожающе произнёс директор. – Держи его Сэм.

– Нет! Нет, пожалуйста, мистер Киллиган! – но директор отмахнулся от медсестры и ударил Оливера тростью в живот так, что тот согнулся пополам. Он поднял голову мальчика за волосы и, дав звонкую пощёчину, разбил ему губу.

– Боже! Я умоляю вас. Они просто дети.

– Этих детей надо проучить, а с тобой я разберусь позже, – бросил он Уэнди и хотел ударить Оливера снова, но женщина напрыгнула ему на спину и повисла руками на шее. Киллиган от такого напора пошатнулся, и они вместе с Уэнди полетели в снег.

– Ах ты, сука! – Киллиган навалился сверху на Уэнди, вцепился ей в шею и принялся душить. Оливер вырывался из хватки воспитателя и, истошно вопив, звал на помощь, Сэм пытался заткнуть ему рот рукой, но тот укусил его.

Ник пытался приподняться, но безуспешно. От холода и от побоев его тело не слушалось, и он мог только наблюдать за тем, что происходило в нескольких футах от него. И если бы не миссис Дженкинсон, которая прибежала вместе со Стеном, неизвестно чем бы это закончилось. Она оттащила Киллигана от Уэнди, сказав, что ему надо остыть, и все уже и так понесли тяжёлое наказание. Стену она велела сейчас же отнести Ника в медицинский кабинет, принести побольше одеял и таз с горячей водой. И как ни странно, Киллиган послушал её. Возможно дело в том, что миссис Дженкинсон приходилась директору родной тёткой, и в детстве частенько брала его к себе, в надежде на то, что мальчик не вырастит таким же садистом, как его отец. Но увы, надежды миссис Дженкинсон не оправдались. Когда умерли родители Киллигана, он уже управлял приютом, директором которого до этого был его отец. Киллиган принял бразды правления в свои руки, а Чамми (полное имя Камилла) – так звали миссис Дженкинсон, как раз нуждалась в работе, и племянник взял её воспитательницей. Несмотря на то что он был жестоким эгоистичным ублюдком, тётку свою он ценил, иногда прислушивался к ней, и если она его просила о чём-то, что бывало в исключительно редких случаях, то он это выполнял. Но нельзя сказать, что у них были тёплые отношения, они были скорее союзническими – она не вмешивалась в его дела, а он в её, к тому же они были единственными родственниками, которые остались друг у друга. И сейчас Киллиган решил прислушаться к тётке и утихомирить свою ярость.

Стен вместе с Сэмом взяли под руки Ника и поволокли в медицинский кабинет, Оливер же ждал Уэнди – она встала со снега, отряхнулась и с каменным лицом, стиснув зубы уже хотела идти, но Киллиган схватил её за руку.

– Сегодня ты за всё рассчитается, – прошипел он. А Оливер, выпучив глаза и приоткрыв немного рот, уставился на него и не знал, что думать: *«Что, чёрт возьми, это значит? Этот ублюдок хочет навредить ей или... Нет! Она бы никогда...!»* Из этих мыслей его вывел Киллиган, который, схватив мальчишку под локоть, сказал, что тот просидит три дня в подземке на воде.

– Нет, пожалуйста! – Уэнди вцепилась в руку мужчины и не в силах была отпустить его. – Он не протянет там! Я прошу вас...

– Довольно. Он отсидит там три дня, это не обсуждается! – Киллиган взял Оливера за шкуру и потащил к дверям приюта.

– Пойдите! Пожалуйста, мистер Киллиган, ему нужен его ингалятор, – взмолилась женщина. – Он у тебя с собой Оливер? – женщина еле сдерживала слёзы, казалось, ещё немного, и она зайдётся в истерике. Оливер кивнул. – Тогда я дам тебе физраствор.

Миссис Дженкинсон утвердительно глянула на Киллигана, и тот разрешил медсестре сходить за раствором.

Затем он отвёл Оливера в ту самую камеру, где сидел Эндрю Роган, который сошёл с ума, Генри, который чуть ли не спятил, камеру, где Том покончил с собой, а психика Шкафа не выдержала, и он был отправлен в психушку. Оливер знал, что это тяжёлое испытание, и ему было страшно до чёртиков, особенно когда Киллиган закрыл за ним и дверь, и он остался в полной темноте один.

Стоит ли говорить, что Донован был на седьмом небе от счастья, он и не думал, приведя план по уничтожению Ника в действие, что убьёт сразу двух зайцев. Теперь парень чувствовал триумф своей победы в полной мере и наслаждался этим сполна. И хоть Оливеру досталось,

Донован хотел добить его и рассказать про Уэнди, это должно было сломить его. И он с упоением стал ждать дня, когда Оливер выйдет из карцера.

Габби была в общей комнате, когда услышала о том, что произошло с Ником. Окна комнаты не выходили во двор. Она сразу же побежала в кабинет, где доктор Стэнфорд и Уэнди уложили мальчика на кровать и укутали одеялами. Доктор дал ему обезболивающее и сказал, что ему лучше сейчас поспать. *«Я не могу. Я не должен отключиться»* – думал про себя Ник и отказывался пить снотворное. Он смотрел в одну точку и не произносил ни слова. Но когда пришла Габби, он будто бы очнулся.

– Нэнси, – слабым голосом позвал он девочку, и та, подбежала к больничной койке и села рядом с другом.

– Я здесь Ник. Что произошло? И где Оливер?

Габби видела, насколько подавленно выглядит Уэнди, в каком ужасном состоянии находится её друг и от несправедливости ей захотелось разбить стеклянный графин с водой, стоявший на столике, и желательно о чью-нибудь голову, например, Киллигана.

– Уэнди, – позвал Ник медсестру охрипшим голосом. – Что он с ним сделал?

Уэнди подошла к мальчику.

– С ним всё будет в порядке, – проговорила Уэнди, но её ответ прозвучал так неубедительно, она сама в это слабо верила – на её памяти там несколько человек слетали с катушек, а другие кончали с собой. Она представила Оливера в подвале в этом смрадном месте кишасим крысами с его-то астмой и ей стало дурно.

– Скажи, где он?

– Он в... – голос Уэнди задрожал, она подбежала к окну и открыла форточку – ей нужен был свежий воздух, после чего она выпила пару таблеток успокоительного.

– Уэнди, тебе лучше прилечь, – доктор Стэнфорд взял женщину под локоть и подвёл к кровати.

– Да наверное, так будет лучше.

– Твой друг сейчас в карцере. Киллиган посадил его туда на три дня.

Ник задрал голову кверху, предательские слёзы наворачивались на глаза. Он испугался, что с Оливером может произойти то же самое, что и со многими, кто там сидел. *«Ну зачем он выбежал ко мне, дурак. Если бы ни я, с ним всё бы было в порядке. А Уэнди? Этот ублюдок чуть ли её не задушил. Им досталось из-за меня, из-за этих дурацких рисунков».*

– Но почему его туда посадили? – Нэнси не представляла, что такого мог сделать мальчик.

– Он попал снежком Киллигану прямо в рожу, – фыркнул Ник, это было самое хорошее воспоминание за день, – когда он пытался ударить Уэнди.

Уэнди опустила глаза и густо покраснела.

– Это правда? – Стэнфорд внимательно смотрел на женщину, и в его голове не укладывалось, почему Киллиган позволил себе такое. И только сейчас он заметил следы на её шее.

– Поговорим позже Николас, – в её голосе была такая отчаянная мольба, что доктор решил не расспрашивать об этом сейчас при детях, а поговорить наедине после, поэтому он решил сменить тему.

– Послушай Ник, – доктор Стэнфорд положил руку мальчику на плечо, – Оливер – сильный мальчик, он справится, к тому же мы можем незаметно спуститься в подвал и приносить ему еду.

– Точно! – воскликнула Габби. – Но Стен вряд ли даст нам ключи от подвала.

– Даст! – уверенно сказал Стэнфорд. – Стен ещё тот алкаш, и думаю, мы сможем подкупить его медицинским спиртом, к тому же у меня припрятана хорошая бутылка хереса.

– Правда? – Уэнди вся вострепелась и встала с кровати, – ты правда это сделаешь Николас? – женщина осеклась и тут же поправилась. – То есть доктор Стэнфорд, – мужчина кивнул и улыбнулся.

– А когда мы пойдём к нему? – тут же спросила Габби.

– Так постойте. Пойдём только мы с Уэнди.

– Но...

– Нет, – покачал головой мужчина. – Нику нужен постельный режим, и тебе лучше сейчас побыть с ним, а не лазить по подвалам.

Габби несколько не понравился такой ответ, но делать нечего. Ей пришлось с этим согласиться.

– Мы пойдём сегодня? – с надеждой в голосе спросила Уэнди, и доктор утвердительно кивнул. – Отлично! – Уэнди озарилась улыбкой. – Не переживайте, мы расскажем вам как он там.

– А Генри? Я и Оливер обещали, что придём к нему ночью. Он должен знать, что случилось.

– Я схожу к нему, – отозвалась Габби и выжидающе посмотрела на Уэнди и Стэнфорда. Она боялась, что они запретят ей идти на мужскую половину приюта, но взрослые не выказали никаких возражений.

– Ник, как к Киллигану послали твои рисунки?

– Это всё Донован, – сдавленно сказал Ник и сразу принял мрачное выражение лица. Голос мальчика сильно дрожал, глаза были будто стеклянные. Габби хотела подойти и обнять его, но Ник уверенно покачал головой. Всё его тело невыносимо болело, спину покрывали борозды красных полос, руки, даже теперь в тепле, сильно тряслись, ему казалось, что все кости кистей у него расплющены. Ник было опять замкнулся, но Уэнди и Габби не дали ему такой возможности. Женщина взяла в ладони его лицо и успокаивающим голосом в который раз попросила мальчика всё ей рассказать. И Ник рассказал, как Генри подрался с Донованом, правда, он не упомянул о том, из-за чего произошла эта драка, и что тот поклялся ребятам отомстить за своих товарищей. Мальчик не знал каким образом Донован пронюхал про его тетрадь, но факт остаётся фактом – вся их история была ссажена. Ник рассказал, что те карикатуры, которые он рисовал на Киллигана и Сэма бывший командир отдал директору, поэтому он так взбесился.

– Мы отомстим ему! – воскликнула девочка. – Этот урод за всё поплатится.

– Нэнси, – Уэнди укоризненно посмотрела на Нэнси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.